

НИКИТА ВЕТРОВ

БЕЗ ТОРМОЗОВ

ЭКСМО

Байкер

Никита Ветров

Без тормозов

«Научная книга»

2007

Ветров Н.

Без тормозов / Н. Ветров — «Научная книга», 2007 — (Байкер)

Этих парней отличают длинные волосы и бороды, их руки до самых плеч покрыты наколками. Они носят кожаные куртки с заклепками, военные каски и очки-консервы. Они умеренно агрессивны, малообщительны и непритязательны в быту. Они помногу пьют пиво и, разумеется, сутками не слезают с мотоциклов... Это байкеры. Абсолютно чумовые ребята, «ночные волки», мотоциклетные фанаты, для которых скорость и риск – необходимые условия для существования. Для них седло – самое комфортное место на всей планете, а руль с рычагом газа – средства для самовыражения. Обыватели говорят о них либо плохо, либо очень плохо. Но кто бы знал, что ревность или незаслуженная обида могут породить в душе байкера достойные поступки, сплетенные не только из дерзости и авантюры, но и отчаянной, самоотверженной любви.

© Ветров Н., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Никита Ветров

Без тормозов

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Самка комара влетела в распахнутую настежь форточку и нетерпеливо закружилась под потолком, подыскивая себе жертву. Голод подгонял ее, заставляя игнорировать и табачный дым, и гнусную смесь запахов нафталина, человеческого пота и перегара, исходящую от развешанного вдоль стен военного обмундирования. По всем признакам где-то здесь пряталась еда.

Спикировав к вороху одежды, который выглядел наиболее подозрительным, самка задержалась у гимнастеров с советскими звездами на погонах, разочарованно крутнулась и уселась передохнуть на Железный крест, прикрепленный к кителю рядового вермахта. Это был досадный промах – форма оказалась пустой. Но инстинкты не подвели кровожадное насекомое: в насквозь прокуренной избе, освещенной лишь тлеющим фитилем керосиновой лампы да бледными лучами летнего рассвета, все-таки было чем поживиться. Вернее, кем: у низенького окошка за сбитым из нестроганых досок столом сидели двое мужчин. Один – полноватый и седой как лунь, второй – напротив, щуплый и черноволосый, вещавший с явным немецким акцентом.

– ...Я привык знать, почему давать деньги... – Чернявый господин с мутными от недосяпа и водки голубыми глазами неприязненно поежился и поправил накиннутую на плечи шинель штурмбаннфюрера СС. – А сейчас я не понять! Я не понять ваш любимый слово «откат». Почему я должен делить свои деньги неизвестно с кем?

Его собеседник тяжело вздохнул и покачал головой:

– Да и не надо тебе понимать! Ты мне доверять должен. Мы с тобой сколько друг друга знаем? А? Я тебя обманул хоть раз? Нет. Поэтому не создавай себе и мне трудностей на ровном месте. Говорю тебе – надо только немного раскошелиться. Это все равно что страховка, только надежнее...

Пожилой поднялся со своего места, чуть не опрокинув пирамиду из автоматов «ППШ» и «шмайсеров», добрел до массивного зеленого ящика и, сняв с него и отставив в сторонку ручной пулемет «MG-43», извлек на свет очередную бутылку водки. Немец удивленно крикнул, наблюдая, как тот бережно стряхнул с поллитровки упаковочные стружки и вернулся к столу.

– Сколько у тебя водка? Вагон?

– Водки много не бывает, – хохотнул добытчик. – Бывают слабые организмы.

Черноволосый гордо вскинул заостренный подбородок и криво ухмыльнулся:

– Не надейся! Мой организм есть сильный! Я – пить, как и ты!

– Вот и пей, немчура... – сурово пробормотал себе под нос седоволосый. Свинченная с горлышка крышка с легким стуком покатилась по военным картам, расстеленным вместо скатерти. Смачно забулькала прозрачная жидкость, наполняя замусоленные за ночь стаканы. – Хоть ты и упрям, как вол, но я тебя все равно переупрямлю!

Сквозь пыльное окошко пробился первый луч солнца, попав прямо на испещренное мелкими морщинками лицо седого. Тот зажмурился и одним махом опрокинул в себя очередную порцию сорокаградусной. Занюхал горбушкой ржаного хлеба. Его собутыльник презрительно хмыкнул и в точности повторил те же действия, показывая, что и он не лыком шит. Такое «обезьянничество» вызвало совершенно неожиданную реакцию. Махнув рукой, пожилой угрюмо откинулся назад, на громадный ворох новеньких кирзовых сапог:

– А ну тебя к такой-то матери! У меня от тебя депрессия! Не хочешь делиться?! Не надо. Смотри, чтобы не пришлось потом жалеть...

– Ты мне угрожать? – недружелюбно осведомился чернявый, громко захрустев соленым огурцом, рассол с которого брызнул прямо на черный лацкан офицерской шинельки. – Это не есть верный ход!

– Ты Россию еще не знаешь, – высокомерно пояснил седой, пытаюсь поудобнее пристроиться на жестких рифленых подошвах. – Хоть по-русски болтать и насобачился, а уклада нашего, евро-азиатского, не уразумел ни на грамм. Да куда там! Немцам никогда не понять, что и как у нас делается.

Моложавый на секунду перестал жевать и вперился в него недобрый взглядом, пытаюсь поточнее перевести обрушившийся на него поток слов и разобраться, насколько они оскорбительны.

– Поверь, по-другому у нас не бывает, – немного смягчился пожилой, наблюдая, как вздулись и побелели желваки на покрасневшихся от хмеля щеках. – Правила здесь такие. Если хочешь – законом даже можно назвать. Неписаным, разумеется. Надо делиться, чтобы дело двигалось. Иначе вообще ничего не получится. Ну, пойми же ты: не для себя ведь требую, надо мной люди повыше есть...

Стекла в растрескавшейся раме тоненько зазвенели от вибрации. С улицы раздался грохот приближающейся тяжелой машины. Немец скосил туда взгляд и снова криво ухмыльнулся – появлялась у него такая дурная привычка, когда много пил. Прямо перед избушкой с ревом остановился «Т-V Пантера» с намалеванными белой краской фашистскими крестами на башне. Из откинутого люка ловко выбрался наружу человек в кожаной тужурке и немецком танковом шлемофоне, прыгнул с бронированного монстра и скрылся из поля зрения, оставив технику под окошком.

– Сколько времени? – попытался сообразить пожилой, сдвинув редкие брови и разглядывая циферблат своих наручных часов. – Ого, утро уже! Черт... Снова без отдыха. Так и до могилы недалеко. Особенно с такими друзьями, как ты!

Чернявый возмущенно засопел, подыскивая слова, но ему помешал выступить скрип отворяемой наружной двери.

– Хайль! – весело гаркнул появившийся на пороге танкист. – Гутен морген! В смысле – утро доброе!

– Кому доброе, а кто и не ложился, – проворчал седой и, кряхтя, принял вертикальное положение. – Чего орешь, как потерпевший? Прищемил себе люком чего-нибудь? Не видишь – переговоры у нас...

– Ясное дело, что переговоры, – охотно согласился парень в кожанке со свастикой, покосившись на рядок пустых бутылок под столом. – Я ж разве против? Дело у меня к вам имеется, иначе не стал бы беспокоить. Яволь?

Ловко перескочив через ящик с винтовками Мосина образца тридцать девятого года, он стал пробираться к сидевшим у окошка мужчинам через нагромождения амуниции.

– Я чего пришел-то. – Бесцеремонно усевшись третьим, танкист стянул с головы шлемофон, обнажив стриженную под ежика голову. – Второй и третий объекты уже готовы. Осталось их только «подшаманить» маленько, и все будет в полном ажуре!

– Наконец-то! – Пожилой достал из мятой пачки сигарету и, не предлагая остальным, закурил. – Я уж думал, не настанет этого радостного дня. Чего долго-то так? Я ж вроде все решил.

– А то вы солдафонов наших не знаете! – отмахнулся примчавшийся на танке молодец в фашистской форме. – Вечно что-нибудь не так поймут, потом триста раз переделывай! Вот только полчаса назад начали технику перебрасывать, представляете? Колонна своим ходом от станции прет. Но это так, мелочи. Тут вот какая петрушка: завтра по графику расстрел в гетто, а директор решил сэкономить, всего каких-то двадцать человек. Это ж крохи совсем! Что такое двадцать человек? Пшик – и все! Курам на смех. Такая «детская» расправа никого не впечатлит – ни на Западе, ни на Востоке.

На стол лег извлеченный из полевой планшетки танкиста бумажный листок. Седой склонил над ним голову и задумчиво почесал в затылке:

– Да... на расстрелах нам экономить нельзя. А то действительно никакого размаха. Дай-ка чем подпись черкануть.

– Пожалуйте-с. – Гость уже протягивал ему ручку.

Сжав пальцами писчую принадлежность, пожилой сощурился и стал похож на хитрого лиса. Стараясь не продавить тонкую бумагу, он размашистым почерком принялся выводить на листке буквы, диктуя самому себе вслух:

– Так... «Разрешаю в превышение сметы расстрелять еще тридцать евреев»... нет, так не пойдет... Лучше «еще тридцать жителей гетто»... Ага... Вот так. И автограф мой собственноручный... Теперь порядок. Держи! Расстреливай на здоровье.

– Премного благодарен! – Танкист ловко спрятал завизированный документ и театрально расшаркался. – Ни на секунду не сомневался в вашем великодушии!

– Ну ладно! Не перегибай. – Человек с лисьим лицом сделал вид, что ему неприятен такой подхалимаж. – Сам справишься? Или мне на расстрельную площадку подъехать?

– Ну что вы! Не стоит! Я ж не в первый раз. Только вот, боюсь, народу завтра столько не сгоним... может, и байкеров заодно расстрелять? А? Как считаете?

Пожилой поднял указательный палец к потолку:

– Вот именно! Байкеров тоже можно. И даже нужно. Толково мыслишь!

Внезапно сосредоточившись, он резко хлопнул себя по шее, сгреб с нее что-то и поднес пятерню к глазам. На ладошке подрагивало раздавленное тельце комарихи с красным пятном вокруг. Демонстративно обращаясь к своей добыче, седой обвел глазами присутствующих и с сожалением вздохнул:

– Знаешь, сколько уже из меня вот эти товарищи кровушки попили? А знаешь, сколько еще желающих? И ты, дура, туда же...

Глава 2

Лязг металлических гусениц примешивался к подвывающему гулу двигателей, делая его особенно гнетущим и тревожным. Четыре тяжелых танка «Т-VI», прозванных «Тиграми», медленно ползли по пыльной грунтовке вдоль обрывистого берега реки. Вздрыбленные стальными когтями траков комья глины и вихри песка клубились вдоль колонны так, что последний танк был едва различим. Его водитель ориентировался только по силуэту впереди идущей машины, тем более что солнце быстро катилось к закату и через пару километров уже пришлось включить фары. На зубах противно скрипели кварцевые частицы, глаза покраснели и слезились от грязи и пота. Но скорость оставляла желать лучшего. Несмотря на возможность разогнаться почти до сорока километров в час, железные монстры вермахта тащились, едва преодолевая десяток километров за то же время. Такова плата за езду по пересеченной местности и в составе организованной колонны. К тому же механики старались беречь свою технику и не подвергать ее излишним перегрузкам. Ведь им еще не скоро предстояло выполнить свое предназначение и показать все, на что они были способны.

Земля под тяжестью пятидесятишеститонных бронемашин содрогалась даже в полусотне метров от дороги, где у самой кромки воды на брошенной прямо в траву куртке сидела влюбленная парочка.

– Еще одни, – подняла белокурую голову девушка, вглядываясь в головной «Тигр», на башне которого белыми пятнами в свете восшедшей луны и фонарей маячили кресты, цифры и еще какие-то рисунки. – Опять напылят.

– Не ворчи, Аленушка. – Парень притянул к себе подругу и стал шептать ей на ухо, поскольку рев танковых двигателей становился все громче. – Ветер дует не в нашу сторону, так что пыли не будет. И вообще, ты что-то имеешь против нашего романтического свидания при луне?

Девушка обернулась, притянула вихрастую голову Виктора к себе и прижалась горячими губами к его губам.

– Жаль, что мы с тобой по разные стороны баррикад, милый, – игриво заметила она, прекратив наконец поцелуй и тряхнув распущенными локонами. Громов разочарованно засопел – прерывать такое приятное занятие ему явно не хотелось. Не выпуская стройного тела из объятий, он принялся щекотать кончиком своего носа ее щеку, старательно намекая на продолжение.

– Ну и что с того? Что это меняет? Я ведь люблю тебя...

– И я тебя. – Девушка слегка отстранилась, чтобы посмотреть в его глаза. – Но в этом-то и вся сложность! Мне ведь тебя убить придется!

Парень лукаво усмехнулся:

– Настанет час – убьешь. А пока у нас с тобой есть куча времени, и все вечера и ночи мы можем проводить вместе. Это ведь здорово! Не то что дома, в Серпухове.

В ответ Алена согласно кивнула и прижалась к его груди.

– Ты не замерзла часом? – поинтересовался Громов. – А то с воды холодом потянуло, еще простудишься. Кто же тогда меня укрошит? Я, кстати, одеяльце с собой прихватил. Там, в коляске. – Он кивнул на темнеющий неподалеку силуэт мотоцикла.

– Не надо, – отозвалась девушка. – Мне с тобой тепло...

Неожиданно на дорогу выкатился еще один танк. Скошенная набок фара бледным конусом света зацепила берег и куст, возле которого был оставлен байк. Остановившись, «Пантера» развернула тяжелую башню в сторону реки. Прожектор выхватил из темноты влюбленных, заставив щуриться и недовольно прикрывать ладошками глаза. Ствол семидесятипятимилли-

метровой пушки плавно качнулся и опустился вниз, уставясь смертоносным жерлом прямо на молодых людей. Из люка показалась голова в шлемофоне.

– Хенде хох! – пронесся эхом над водой голос, усиленный громкоговорителем.

– Нихт шиссен! – Громов с деланным испугом поднял обе руки вверх. – Гитлер капут!

– Завтра с утра всем байкерам собраться в гетто на расстрел! Ферштейн? И не опаздывать, а то накажу, – закончил свою речь танкист, скрылся в башне и с грохотом и лязгом укатил прочь.

Аленушка недовольно сморщила симпатичный носик:

– И здесь нашел, фашист проклятый! Всю романтику испортил.

– Это точно! – грустно рассмеялся Виктор, понимая, что свидание на этом придется закончить. – Ну что ж. Поздно уже. Надо двигать в лагерь, а то утром глаз не продерем...

– Угу, – покорно вздохнула девушка и поплелась вслед за Громовым к мотоциклу.

Глава 3

Измученная колесами и погодой улица Комсомольская, на которой уже с трудом угадывался слой асфальта, сразу за последними домами поселка автоматически превращалась в дорогу областного значения. Хотя на качестве ее это совершенно не отражалось. Петляя меж песчаных холмов и оврагов, она вела к райцентру, пролегая всего в нескольких сотнях метров от Волги, вернее, от Волгоградского водохранилища, что раскинулось от города с одноименным названием до известного по народным песням Саратова. Место столь чудесного превращения трассы было обозначено покосившимся указателем, на котором каждый въезжающий, если его это интересовало, мог прочесть название населенного пункта. И соответственно снизить скорость до шестидесяти километров в час. Теоретически. А практически – продолжать нашу-пывать шинами остатки твердого покрытия и молиться всем дорожным богам, чтобы пощадил подвеску.

Дома по нечетной стороне улицы начинались одиноко торчавшим одноэтажным строением, на фасаде которого красовалась выгоревшая табличка: «Магазин. Керосин». Шифер его крыши позеленел от старости, на красных кирпичных стенах с трудом можно было отыскать следы штукатурных работ, а за ветхим забором, украшенным метровыми нецензурными словами, простирался поросший бурьяном пустырь. Торговая точка переживала, судя по всему, не самые лучшие времена – немногочисленные жители окраины предпочитали отовариваться либо в городе, куда с завидной регулярностью совершали рейды, либо в паре частных магазинчиков, расположенных ближе к центру Никитова Гая. А здесь, под вывеской, на потрескавшихся цементных ступеньках чаще собирались местные алкоголики, которым особые изыски для дела были не нужны, а имевшийся ассортимент – дешевая водка и консервы – их вполне устраивал.

Непреодолимый зов «зеленого змия» сегодня уже успел собрать традиционную тройку из не особенно опрятных мужиков, которые расселись на вросших в землю бревнах под окнами сельпо и принялись громко дискутировать насчет того, нужно ли тратить деньги на закуску, и если нет, то где «срубить» десятку еще на один «пузырь». Их ленивый галдеж долетал до противоположной стороны улицы, где располагалось самое известное у здешних автолюбителей место – ремонтная мастерская Петровича.

Среди окраинных домиков, спрятавшихся за разномастными заборами палисадников, жилище Виталия Петровича Пальцева выделялось существенно. Вместо поросшей жухлой травой обочины к нему вел укатанный до каменной твердости подъезд, непосредственно перед сдвоенными воротами расширявшийся до приличных размеров площадки, посыпанной гравием с темными пятнами пролитого машинного масла и тормозной жидкости. На ней без труда мог развернуться грузовик, не отягощенный прицепом. Видно было, что это пространство отнюдь не пустует, и попытки вездесущих сорняков пробиться сквозь слой щебенки пресекаются не только резиной колес, но и заботливой рукой хозяина, на всю округу славившегося своей аккуратностью и потрясающей работоспособностью.

Именно к нему отовсюду тащили самую безнадежную и раздолбанную технику, на которую и смотреть-то порой было страшно, не то что подходить и трогать руками. Мастер в таких случаях оглядывал жалостливым взглядом явленное ему «чудо», потом укоризненно мерил взглядом того, кто до такой степени его довел, и лишь потом, тяжело вздыхая и цокая языком, соглашался. Почти всегда. Случаи, когда Петрович не брался за починку какой-нибудь легковушки, можно было пересчитать по пальцам. Это происходило, только если ему подсовывали действительно ни к чему не пригодный агрегат, не имеющий никакой перспективы. А все остальное, к чему он прикладывал свои золотые руки, через пару дней, реже – недель, начинало функционировать не хуже швейцарских часов. Да и выглядело соответственно. Плату за

свой труд механик от бога брал в зависимости от возможностей заказчика. Даром не работал, но и не обдирал три шкуры. Был у Петровича еще и такой талант – с первого взгляда оценивать, с какой суммой пришедший человек может расстаться безболезненно. Поговаривали, что у мастера на это дело глаз наметан с той поры, когда он облегчал кошельки доверчивых граждан не совсем законными способами, за что чуть позже отсидел предписанный Уголовным кодексом срок. Кстати, коротая годы за решеткой, он и научился так виртуозно обращаться с «железками», открыв в себе способности к ремонтному ремеслу. А выйдя на свободу, решил твердо покончить с прошлым и жить честно. Так про Петровича говорили. Как оно было на самом деле – никто не знал, поскольку сам мастер был человеком склада угрюмого и необщительного. Приятелей и знакомых имел сотни, а вот тех, кого можно было назвать друзьями, не было. Как и семьи. Потому и слагали о нем небылицы всякие по любому поводу.

К примеру, не пил Петрович ничего спиртного. Сколько заказчики ни пытались умаслить его «народной валютой» – бутылками самогона или водки, – ни разу ни у кого не выходило. И даже на поминках или свадьбах налитый стакан отставлял в сторону. Обижались на него земляки, не понимали, но тут же с таинственным видом нашептывали друг другу очередную версию о причинах такого возмутительного поведения, согласно которой Петрович, дескать, в молодости по пьяни зарубил все свое семейство топором, потому и в рот теперь ни капли спирта не берет – опасается, что опять за старое возьмется. В ответ мгновенно рождалась другая басня, «шьющая» бедолаге чуть ли не утопленный им в нетрезвом виде пароход с сотнями, а то и тысячами жертв. И так далее, по нарастающей.

Благо самого Петровича распускаемые про него сплетни мало заботили. Не обращая на пересуды внимания, он продолжал трезвый образ жизни, смастерил крепкую табличку с рекламным текстом: «Ремонт двигателей, ходовой части, кузовные работы. Развал-схождение, балансировка, шиномонтаж», построил себе роскошный гараж и занимался своим любимым делом.

Собственно, назвать его мастерскую гаражом язык ни у кого не повернулся бы. Добротное сооружение из кирпича и дерева состояло из двух отсеков, которые сам хозяин называл не иначе как цехами. В правом, оборудованном глубокой, в рост человека, смотровой ямой, как правило, стоял чей-нибудь «захворавший» автомобиль. А в левом располагалась святая святых его хозяйства – собственно мастерская, оснащению и порядку в которой мог бы позавидовать любой городской автосервис.

Ровные ряды полок и стеллажей вытянулись вдоль стен, а на них, тщательно рассортированные и разложенные, покоились детали и запасные части. В углу – сварочный аппарат. Там же газовый резак и автоген. У противоположной стены – массивный токарный станок, выброшенный из какой-то колхозной мастерской на металлолом, подобранный и возвращенный к жизни самим Петровичем. Возле него – сверлильный и шлифовальный агрегаты. В центре ремонтного цеха – крепкий верстак, над которым свешивался с потолка трос самодельной кран-балки, способной запросто поднять и переместить практически в любую часть помещения груз весом до восьмисот килограммов. Мастеру этого вполне хватало, чтобы обходиться без помощников. Он всегда работал один. Не изменил он своему обыкновению и на этот раз.

Повернув светлую кепку козырьком назад, Петрович возился с разобранным автомобильным двигателем. Дело спорилось в умелых руках, хоть и с неприятными сюрпризами: одна из многочисленных шпилек, торчащих из блока цилиндров, была безнадежно испорчена. Резьба стерлась почти под ноль. Мастер недовольно повел крючковатым носом и деловито нырнул в ящик с метизами всех мастей и размеров. Тонко зазвякали перебираемые железки. Отобрав нужные, хозяин вернулся к мотору потрепанной вазовской «девятки», над которым колдовал с самого утра. Сам автомобиль, лишенный своего «пламенного сердца», стоял через стенку, раззявив беззубую пасть капота.

«Тачка» участкового. Притащил ее вчера на буксире и с улыбочкой бросил у мастерской. Что-то, мол, движок барахлит, не посмотришь? А там работы дня на два, не меньше. Совершенно беспризорный автомобиль. «И ведь как пить дать не заплатит, – думал Петрович, навинчивая на остатки резьбы две гайки и затягивая их между собой, чтобы получилось подобие головки болта, – как будто я ему все еще должен чего-то! Ментяра, одно слово...»

Зачерпнув из круглого бочонка вкусно пахнущих древесных опилок, мастер тщательно очистил ладони от черного отработанного масла. Протер ветошью. На тыльной стороне кисти показалась синяя наколка – вечное напоминание о давних проблемах с законом. Поправив лямки недавно купленного темно-синего комбинезона, он повернулся к раскрытому пузатому чемоданчику на специальной подставке и окинул взглядом его содержимое. Грязными руками он не лазил сюда ни при каких обстоятельствах. И на то были свои причины. Слишком дорогими его сердцу были эти сделанные на заказ инструменты. Ровные ряды торцовых и накидных ключей, плоско-, кругло- и еще множество «невообразимогубцев» и пассатижей неизменно радовали и умиляли его профессиональный глаз. Это была тайная гордость Петровича – его личный набор. Что-то вроде отлаженной винтовки для снайпера или скрипки Страдивари для скрипача. Появился он у мастера пару лет назад, когда случайно в эти места занесло одного состоятельного гражданина на тонированном «глазастом» «Мерседесе». Он страшно торопился куда-то, а его верный «конь» возьми да и начни артачиться, глохнуть и выделять всяческие фокусы, совершенно не желая двигаться дальше. И никакие крепкие ругательства владельца и пинки в сердцах по колесам положения дел не меняли. А тут, словно мираж в пустыне, показалась мастерская с многообещающей вывеской. Нувориш, естественно, к Петровичу отнесся не без изрядной доли скептицизма – все-таки привык к VIP-обслуживанию. Но деваться ему было некуда. Слишком выбор был невелик – либо дожидаться подмоги из города, либо дать возможность местному Кулибину залезть под капот своего драгоценного авто. К чести хозяина мастерской, тот факт, что неисправная машина стояла как половина всего поселка, нисколько не смутил механика. Напротив, добавил азарта. Поколдовав с полчасика над порождением буржуазной мысли, Петрович с каменным выражением лица предложил горе-путешественнику попробовать завести мотор. Тот, не скрывая своего недоверия, уселся за руль и неожиданно обнаружил, что может продолжать поездку. Ошарашенный таким поворотом событий, он вывернул из портмоне стопку банкнот и, не считая, вручил их довольно ухмыляющемуся мастеру. А еще через пару дней настала очередь Петровича удивляться: у ворот его обители притормозил солидный джип, оттуда выбрался юркий парень в темных очках и с ходу предложил механику перебираться в Самару на постоянное место жительства. Выслушав посулы гостя, которые, кстати, были ой какими заманчивыми, мастер отрицательно покачал головой – менять что-либо в своей жизни он не собирался. Тогда владелец внедорожника молча достал из салона тот самый пузатый чемоданчик, передал его Петровичу и укатил восвояси. А умелец еще долго не мог поверить такой удаче – получить в подарок исключительный, сотворенный в единственном экземпляре комплект профессиональных инструментов самого отменного качества и дизайна. Эксклюзив, одним словом. Сколько он стоил, Петровичу оставалось только догадываться, но он точно знал, что, даже набрав нужную сумму, ему вряд ли удалось бы самому отыскать подобное сокровище. Вот почему столь трепетным было отношение ко всем этим металлическим и пластиковым штучкам, украшенным солидными клеймами.

Выбрав пару необходимых для работы гаечных ключей, Петрович недовольно покосился в сторону галдящих у магазина мужиков. «Дармоеды, – незлобно ругнулся он про себя. – Откуда только деньги на эту отраву берут? Ведь не работают ни шиша!» Насвистывая себе под нос неузнаваемую мелодию, он снова взялся за дело. Шпильки одна за другой нехотя выкручивались из своих насиженных мест и отправлялись в коробку с негодными деталями. Сдвинув с места очередную из них, Петрович краем уха уловил приближающийся стрекот двигателя. Автоматически прислушался, не прерывая своего занятия. Мотоцикл. «Участковый, что ли? –

Механик нахмурился. – Сказал же ему, что послезавтра будет готово! Вот человек... Что над душой-то стоять? Как будто от этого что-то изменится!»

Треск становился все отчетливее. «Нет, на ментовский «Урал» не похоже, – сам с собой дискутировал Петрович, протирая от консервационного масла новые запчасти. – Пацаны небось опять гоняют! Шеи посворачивают, шпана!»

Неожиданно на противоположной стороне улицы воцарилась тишина. Причем мертвая. Алкаши словно по команде перестали орать друг на друга и куда-то мигом «рассосались». Механика это совершенно не огорчило, он только мельком взглянул на опустевшее крылечко магазина, видневшееся в проеме ворот. Облегченно вздохнул.

Но, как оказалось, слишком рано: частые неуверенные шаги по гравию подсказали Петровичу, что по крайней мере один из бездельников направляется к нему и собирается отвлекать от дела. Этого Пальцев терпеть не мог. Пустые разговоры «за жизнь» он не признавал.

– Петрович! Петрович! – В мастерскую ввалился запыхавшийся мужик в драной полосатой рубаше и калошах на босу ногу. – Там... это... охренеть, че делается!

– Ну? – Мастер сурово оглядел незваного гостя с ног до головы. – Денег не дам.

Алкаш замялся на пороге, теребя в трясущихся руках замызганную кепку и странно оглядываясь через плечо. Его вечно небритая и опухшая физиономия выражала искреннее недоумение вперемешку с испугом, а мутный взгляд бегал быстрее обычного.

– Давай так, Сеня. – У Петровича возникло стойкое подозрение, что отвязаться от этого пьянчуги будет непросто. – Если есть что сказать – выкладывай скорее. У меня работы по горло, а ты мямлишь стоишь. Только еще раз предупреждаю – про деньги лучше не начинай, не дам.

– Дык, это... Петрович. – Сизые губы Степана, утверждавшего, что в сокращенном варианте его имя звучит не иначе как «Сеня», и намертво приклеившего тем самым к себе это прозвище, расплылись в дурацкой нервной улыбке. – Фрицы там, мать их за ногу! Эсэсовцы!

– Я тебе, Сеня, давно говорил – завязывай бухать! Что, «белка» пришла? Какие фрицы?

– Фашисты, Петрович! – вытаращил глаза алкаш, скомкал головной убор и прижал его к груди. – Самые настоящие, б... буду! Сам погляди, если не веришь!

Механик секунду колебался: послать ли гонца сразу куда подальше или сначала все-таки убедиться в том, что у парня белая горячка. Выбрал второе. Насупив брови и по обыкновению сутулясь, он решительно прошагал мимо сглатывающего от волнения слюну Степана. Вышел из ворот, заодно собираясь проверить, прав ли он оказался насчет мотоцикла, да так и замер на месте. Гаечный ключ сам собой вывалился из рук и со звоном приземлился на укатанный гравий...

Глава 4

Германский разведывательный мотоцикл с коляской «Zuendapp», повинаясь уверенной руке унтерштурмфюрера СС, плавно подкатил к старенькому колодцу возле поселкового магазина. Смолк двигатель. Высокий светловолосый эсэсовец ловко соскочил на землю и поправил болтавшийся на шее «шмайсер». Огляделся. Заметив осторожно выглядывающих из мастерской мужиков, широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами, и приветственно помаhal рукой.

Следом за водителем из седла выбрался второй немец, в черной танкистской кожаной тужурке. Третий солдат – субтильного вида тип в каске и очках-пресервах – остался сидеть в люльке, придерживая ручной пулемет.

В воздухе повисла звенящая тишина. Танкист снял с головы шлемофон и пригладил взъерошенные рыжие волосы. От длительной тряски его веснушчатое лицо покраснелось, и на подбородке ярче забелел косой шрам. Заложив руки за спину, моложавый гитлеровец принялся прохаживаться по обочине, хищным взглядом впиваясь в окружающие дома, словно ощупывая каждый из них. От наметанного глаза не ускользала ни одна деталь.

Водитель-эсэсовец, недолго думая, добрался до колодца, скептически осмотрел оцинкованное ведро, прикрепленное к длинной цепи, и аккуратно стал опускать его к воде. Колодезная цепь громко зазвенела, послышался плеск и чавкающее бульканье тонущего ведра. Унтерштурмфюрер зашел сбоку и взялся за ручку, отполированную до блеска тысячами ладоней. Пронзительно заскрипел воротный механизм, поднимая отяжелевшую емкость из темных прохладных глубин. Вскоре приехавший на мотоцикле парень в фашистской форме с закатанными по локти рукавами уже жадно пил студеную, отдающую железом воду, которая тонкими струйками стекала с обеих сторон его рта, расплзаясь темными пятнами на черной эсэсовской куртке, где тускло поблескивали Железный крест и значок «За зимнюю кампанию 1941 года».

– Зер гут! – крикнул он, напившись. Потом протянул ведро напарнику, вопросительно мотнув головой. Пассажир пить не захотел. Получив отрицательный ответ, блондин пожал плечами и принялся смывать пот с лица, наливая воды себе в ладошку и довольно фыркая. Брызги полетели в разные стороны, вокруг купающегося солдата постепенно образовывалась лужа. Рыжеволосый не стал принимать участия и в купании. Выйдя на середину пустынной улицы, он сплюнул на асфальт, продолжая внимательно оглядывать окрестности. Было похоже, что он искал что-то конкретное, и не безрезультатно.

Со стороны мастерской к нему навстречу выдвинулась худощавая фигура в полосатой рубашке.

– Дождались вас, родненькие! Дождались, освободители! Наконец-то!.. – запричитал местный алкоголик Степан, продолжая идиотски скалить зубы и всплескивать руками. По дурашливому выражению его лица невозможно было понять, серьезно ли он так считает или юродствует. – А что мало вас так? Отстали? А... да вы ж по-нашему ни хрена не понимаете... Вот беда-то! Петрович! А, Петрович! Как по-ихнему «здрасьте»? Блин... это... гутен таг!

– Здорово, коли не шутишь. – Рыжий офицер вермахта усмехнулся в ответ и, разминая затекшие икры, приподнялся на носочках, заскрипев хромовыми сапогами. Степан чуть не сел на дорогу от изумления:

– Ты глянь, как у них там в разведшколах русскому учат! Ни хрена себе! Так вы передовой отряд, значит, ага... разведка. А что ж так долго? Где вас черти носили все это время?

Немец в танкистской кожанке покосился на полупьяного мужичка, что-то прикидывая в уме. Позади него возникло движение: тощий солдат заерзал в мотоциклетной коляске, поводя стволом пулемета и недоверчиво поглядывая на пошатывающегося аборигена. Танкист сделал успокаивающий жест рукой и подозвал своего бойца к себе. Явно нехотя тот выбрался с наси-

женного места, оставив оружие в покое. Мешковатая форма была явно великовата фашисту и висела на узких плечах, как на огородном пугале. Сходства с последним добавляла и здоровенная немецкая каска, застегнутая под острым подбородком.

– А скажи-ка, любезный, – обратился к Степану рыжеволосый, дожидаясь, пока к нему подойдет пулеметчик. – Кто у вас здесь главный?

Мужик радостно хлопнул себя по коленкам и чуть не заплясал от восторга:

– Вот это правильно! Значит, партийный актив и чекистов к стенке? Это мы запросто! А помощники нужны? За пузырь этого... шнапса лично готов участвовать...

– Сеня! – окликнул его Петрович, решительно выйдя из тени гаража. – Ты, я смотрю, совсем свои мозги пропил! Угомонись!

Мужичок визгливо заржал и стал закатывать рукава рубахи на манер эсэсовца:

– Да ладно тебе, Петрович! Будет весело! Я под шумок и с долгами своими рассчитаюсь! А то куда ни зайду – всем нужно денег вернуть! Тебе, кстати, я ничего не должен?

– С расстрелами, пожалуй, повременим, – усмехнулся танкист и невзначай потрогал свой шрам на подбородке. – Сначала давайте с начальством вашим разберемся. Так где, говорите, его искать?

– А никто ничего еще и не говорил. – Петровичу ситуация, очевидно, была не по душе, потому и в голосе его отчетливо слышались нотки вызова и неприязни. – Начальство им подавай... Вам надо – вы и ищите!

Тощий фриц уловил его тон и напрягся. Потом странно дернулся и торопливо схватился за кобуру, висевшую на поясе. Холеные белые пальцы зацарапали неподатливую застежку, наконец зацепили ее и откинули вверх. Парень в танкистской куртке не успел даже рта открыть, а пулеметчик уже выдернул из кобуры продолговатый предмет, совершенно не походивший ни на один из известных Петровичу пистолетов. Перекинув его из правой руки в левую, солдат так же торопливо вцепился в застежку своей каски и после непродолжительной борьбы скинул ее с головы. Длинные черные, как вороново крыло, волосы рассыпались по плечам. Широкие очки скользнули вслед за каской, открыв взорам тонкие красивые черты лица, и все встало на свои места: под серой формой рядового вермахта скрывалась девушка. Не обращая внимания на изумленно вытаращившихся на нее местных жителей, она приложила к уху извлеченную из кобуры штуквину.

– Аллю! Аллю! Я слушаю! – послышался низкий грудной голос с капелькой очаровательной хрипотцы. – Ну говорите же! Черт!

– Кто это, Эль? – как ни в чем не бывало поинтересовался рыжеволосый. – Не фюрер?

– Не знаю. У меня номер не определился. – Брюнетка потыкала пальцем в кнопки мобильного и сердито бросила его обратно в кобуру. – Надо будет – еще раз перезвонят!

– Это точно. – Парень в кожанке согласно кивнул и снова повернулся к до сих пор ничего не понимающим Петровичу и Степану. – Да не смотрите вы на нас, как на привидения. Свои мы, русские!

– То-то я смотрю, форма на вас прямо-таки «родная», с крестами и свастиками! – отозвался Степа. – Я и забыл, что у красноармейцев именно такая и была. Точно. А Гитлер со звездами на погонах ходил.

– Надо нашим костюмерам этот комплимент передать, Элечка! – засмеялся рыжий. – Амуниция первоклассная. Нас народ за настоящих фрицев принял, похоже. Того и гляди – на вилы поднимет! Громов, готовь аппарат, а то не успеем ноги унести!

«Эсэсовец», привалившись боком к седлу, любовно похлопал мотоцикл по топливному баку:

– Руслан Алексеевич, обижаете. Всегда готов. Возьмем в галоп по первому требованию.

Петрович скрестил жилистые руки на груди и все еще хмурым взглядом обвел всю пожаловавшую в поселок компанию. Его дед пал от фашистской пули в сорок втором году, и посему никаких теплых чувств к молодым людям в нацистской форме механик не испытывал.

– Это что, мода теперь такая – гитлеровцами наряжаться? – не скрывая своего презрения, процедил он сквозь зубы.

Черноволосая девушка одарила его ослепительной улыбкой:

– Вы разве не слышали? От вас недалеко снимается фильм о Великой Отечественной. Мы прямо со съемочной площадки приехали...

– Артисты! Так я и думал! – Степан вытер руку о вывалившиеся из штанов полы своей рубахи и протянул ладонь для рукопожатия рыжеволосому парню. – Очень рад! Степан Огурцов. Здрасьте!

– Здоровались вроде, – улыбнулся тот, ловко уходя от контакта с давно не мытой ручищей. – Позвольте и мне представиться: Вилин Руслан Алексеевич, ассистент режиссера. Вот эта красавица – наша лучшая актриса – Эльвира Волынская. Рекомендую запомнить это имя – скоро оно будет греметь на весь мир. А вот тот молодой человек с автоматом на шее – Виктор Громов, актер и каскадер в одном лице.

– И водитель по совместительству, – смеясь, добавил Громов.

Из соседних домов один за другим стали высовываться люди. Не каждый день на улице живых фрицев увидишь. По «чистой случайности» именно к этому времени у большинства из них возникла экстренная необходимость сходить в магазин или проконсультироваться у Петровича по поводу какой-нибудь безделицы. Пустынная до этого улочка медленно, но неуклонно оживала.

– А к нам-то какими судьбами? – Степан чувствовал себя звездой. Еще бы. Ведь это с ним общаются артисты. Да не какие-нибудь, а столичные! Может, и его в кино снимут?

– Нам бы довоенные постройки отыскать, – признался ассистент, расстегивая кожанку. – А у вас, я смотрю, такие имеются. По сценарию надо пару-тройку домов сжечь...

– Опа! Нет, это удача! Сразу было ясно, что мне сегодня повезет, раз с утра удалось горло промочить! Слушай сюда, братва: есть у меня на примете один домик! Вам как раз подойдет! – выпучив глаза, затараторил Степан. – Хорошая такая изба, из дубового теса, сгорит за милую душу! И возьму недорого!

– Это ваш дом? Который? – заинтересовался парень со шрамом, вынимая блокнот. – Далеко отсюда?

– Ну... как сказать, – скорчил рожу Степа. – Я там живу... иногда. Но ты не дрейфь – с хозяйкой я сам договорюсь! Это мне раз плюнуть. Она просто божий одуванчик, хоть и есть в ней один недостаток: тещей мне доводится...

Добродушная улыбка сползла с лица молодого ассистента режиссера. Этот пропойца, похоже, начал его выводить из себя.

– Сколько за дом-то дашь? – не унимался тот.

– Нисколько! – огрызнулся Вилин, решительно направляясь к Петровичу, который хоть и выглядел хмурым, но все же больше располагал к переговорам.

– Зря ты так, Алексеич! – засеменил следом выпивоха. – Я же от всей души предлагаю! Слышь, слышь, идея есть! Сэкономить хочешь? Так давай жги этот дом вместе с тещей – тогда вообще бесплатно отдам! И даже помогу солярки раздобыть, чтобы лучше горело, гы-гы!

Вилин лишь вяло отмахнулся от пристава. Строения нужно было найти во что бы то ни стало. Иначе сорвется план. Денег, понятно, минимальное количество. Жильцов выселять – больно дорого. Вот брошенные домишки идеально бы подошли. Заметив, что окна соседнего с гаражом жилища заколочены погнувшимися от влаги и солнца досками, он указал на него рукой и спросил у мастера:

– Там живет кто-нибудь?

Тот подумал секунду и ответил весьма уклончиво:

– Может, и живет.

– А хозяева кто? Вы их наверняка знаете – ведь соседи почти!

Петрович потербил кончик носа:

– Знаю, но только это мало чем поможет. Их нет здесь, уехали.

– Надолго? Когда вернутся?

– А никогда. Дом они этот администрации оставили. Там и надо спрашивать.

Вилину удалось-таки вытянуть из этого сумрачного человека крупинку нужной информации. Хоть какая-то хорошая новость с самого утра. Дальнейшее было делом техники: с главами администрации ему уже приходилось иметь дело. Только бы не оказался слишком заносчивым и жадным. А то придется впутывать в это дело продюсера, и плакали тогда комисионные. Достав из кармана небольшой цифровой фотоаппарат, Руслан принялся снимать заброшенный дом с разных ракурсов, дабы художник-постановщик и режиссер смогли оценить его находку.

– А что, много таких у вас в поселке? – между делом крикнул он механику. – Я имею в виду заброшенные хижинки.

– Хватает. – Мастер сунул руки в широкие карманы своего комбинезона.

– А где, подскажите?

Петрович напряг свою память. Если бы не любовь к отечественному кинематографу, вряд ли он стал бы дальше общаться. Это вообще на него было мало похоже – бросить работу на середине, чтобы целых полчаса торчать на улице и болтать с кем попало. Но чего не сделаешь ради главного из искусств.

– Кажется, вон тот, с деревянной крышей... да и на следующей улице дворов пять ничейных есть.

– Здорово! Это просто замечательно! А администрация-то где?

– Да прямо езжайте, а там, на месте, увидите. Не проскачите.

– Спасибо. – Настроение рыжеволосого киношника снова поползло вверх. – Громов! Давай, поехали в центр, что-то подсказывает мне – натурные съемки у нас все-таки состоятся!

Виктор с готовностью скинул с себя поднадоевший автомат, забросил его в коляску и нажал ногой на заводную педаль. Двигатель слабенько чихнул, но запускаться не спешил. Склонившись над раритетной техникой, возрасту которой мог позавидовать любой долгожитель, Громов сосредоточенно принялся проверять контакты. Он в технике разбирался неплохо, с детства сам чинил сначала мопед, потом отцовский «Днепр», потом еще кучу разнообразных механизмов. Вот только с таким мотоциклом раньше сталкиваться не приходилось. На первый взгляд все было в порядке, и Виктор попробовал завести его еще раз. Снова результат оставил желать лучшего. Лишь третья попытка оказалась более-менее удачной: мотор ожил, затарахтел, выпустив из глушителя сизые клубы бензинового дыма, но как только парень тронулся с места – снова смолк. Громов хотел тихо ругнуться, но сдержался. Одна из самых основных заповедей байкера заключается в том, что мотоцикл никогда нельзя ругать. Как говорится, если он у вас плохо заводится или часто ломается, значит, вы его не любите, и он вам платит тем же. Стало быть, бороться с его недугом можно только любовью.

Петрович молча наблюдал за упражнениями молодого человека, стоя у ворот своей мастерской. Он с самого начала обратил внимание на мотоцикл – такой не часто встретишь. Настоящий «Zündapp», причем времен Второй мировой, а не более поздние версии знаменитой марки. Кино ведь снимают, черти! Наверное, и танки настоящие подогнали для съемок.

Подойдя к строчащему в своем блокноте парню в кожанке, механик пихнул ногой небольшой камешек. Сам он редко заводил беседы, поэтому слегка замялся, не зная, с чего лучше начать разговор.

– Про что фильм-то будет? – Слух прирожденного механика продолжали резать бесплодные попытки Виктора справиться с непослушным механизмом.

– Будет суперфильм! – не отрываясь от дела, отозвался Вилин. – Режиссер надеется, что ему удастся повторить успех «Сталинграда» и «Они сражались за Родину». В общем, про Великую Отечественную картина, в двух словах не расскажешь. Совместный российско-немецкий проект: бабло, в смысле, деньги – иностранные, а режиссер и все остальное – наше. Есть пара германских актеришек, так, второго-третьего плана. А в основном – и главные, и массовка... кстати, босс договорился – целый батальон для съемок сражения пригонят. Вот это будет класс. Голливуд со своей компьютерной графикой и рядом не валялся!

– А назовете как?

– Э-э... у нас не принято до конца работ название выдавать. Но вам, так и быть, скажу – все-таки помогли, подсказали, что и как... Короче, «Битва за Волгу». Но это рабочее название, все может и поменяться.

– Неплохо. Вы, это... скажите парню, чтоб технику не мучил. Пусть ко мне в цех загонит – я гляну. Там хитрость одна есть.

Вилин удивленно приподнял бровь, но механик не дал ему договорить:

– Я бесплатно сделаю. Такой мотоцикл... рядом постоять – уже за счастье.

Ассистент режиссера даже несколько опешил от такой щедрости. Сегодня ему положительно фартило. Недолго думая, он окликнул Громова:

– Виктор! Завязывай издеваться над реликтом! Толкай его сюда, в гараж!

– В мастерскую, – скромно поправил его механик. – Меня Петровичем зовут, если что...

– Не представляете, как приятно познакомиться! – Вилин прошел следом за мастером в его «святая святых», куда Гром уже с трудом закатывал тяжелый агрегат. – А по имени?

– Петрович.

– А-а...

Механик присел на корточки перед трехколесной машиной, прищурил глаз, склонил голову набок. Виктор, словно оправдываясь, развел руками:

– Я вроде бы с ним бережно обращаюсь...

Петрович молча кивал. К водителю на этот раз у него особенных претензий не было: за мотоциклом следили, это бросалось в глаза. Разве что опыта не доставало, чтобы с такой старой моделью разобраться.

– Щас исправим. – Механик поднялся с места, чтобы взять отвертку. – Тут немного подрегулировать надо.

Громов с искренним интересом следил за каждым его движением. Этот сутулый мужичок в синем комбинезоне вызывал уважение – так уверенно и скоро работали его крючковые пальцы, и так покорно выполнял все его замыслы металл.

Вилину все это было не так интересно, все-таки не тот профиль. А поскольку заняться больше было нечем, то он просто стал разглядывать внутреннее оснащение мастерской. Как ему показалось – все было на довольно высоком уровне. Внимание привлек пузатый чемоданчик, в который то и дело нырял механик. Подойдя поближе, он восхищенно присвистнул:

– Ничего себе! Да тут, если разобраться, можно луноходы строить! Сколько тут всего? Тысячи?

Петрович перехватил его взгляд и приосанился.

– Всего пара сотен единиц, – скромно заметил он. – Нравится? Мне тоже. Единственный экземпляр. Ни у кого такого нет больше!

– Да вы что? Надо же. На заказ, наверное, сделан?

– Ага.

Петрович уже покончил с регулировкой двигателя, но попытку Виктора запустить его пресек. Подставив под мотоцикл специальное корыто, он слил отработанное масло из картера и, сходя в дальний угол, заполнил двигатель новым.

– А что за марка? – живо поинтересовался Громов, поскольку на канистре никаких обозначений не было. Ему ведь еще долго предстояло обслуживать этот агрегат и хотелось знать о нем все до последней мелочи, чтобы не оказываться более в таких конфузных ситуациях, когда в самый нужный момент шедевр немецких мотоконструкторов вдруг начинал капризничать.

– Не волнуйся. Для твоего мотора – самое оно! Поверь на слово...

В гараж заглянула Эльвира, которой до смерти надоело торчать на улице на всеобщем обозрении, тем более что в форме немецкого солдата она сама себе совершенно не нравилась.

– Мальчики, скоро вы там? Я уже изжарилась на солнце и хочу пить!

Вилин сразу же оживился и озабоченно поинтересовался тем же:

– Все уже в порядке, насколько я понимаю? Можем трогаться? А то у нас еще куча дел, успеть бы все хотя бы к ночи!

Петрович смахнул ветошью пролитую на глушитель маслянистую каплю и отступил в сторону, показывая всем видом, что свою часть работы он выполнил и теперь предоставляет Громову полную свободу действий. Виктор не преминул этим воспользоваться и уже через пару секунд сидел в седле, вслушиваясь в ритмичное тарахтение цилиндров. Теперь звук был намного ровнее, и гложущий «Zuendapp» совсем не собирался – вот что значит рука мастера.

Поблагодарив Петровича, Гром лихо выкатил на дорогу, заложив большой радиус поворота, и притормозил, дожидаясь, пока Руслан и Эльвира займут свои места. Горячий ветер ударил в лица заезжим актерам, когда разведмотоцикл рванул вдоль Комсомольской улицы под любопытствующие взгляды селян.

Глава 5

Густые и черные, как расплавленная смола, клубы дыма заволокли горизонт. В воздухе веяло гарью. Втапывая пожухлую от солнца траву в сухую глинистую почву, по изрытому снарядами полю ползли фашистские «Тигры» и «Пантеры». На полукилометровом участке наступления, который был доступен обзору, их насчитывалось не менее двух десятков. Бронированные машины, оснащенные ужасающей мощи артиллерией, нарочито медленно приближались к вгрызшимся в приволжскую землю советским войскам. Позади танков неровными цепями передвигались фигурки автоматчиков в серой форме вермахта.

До передовых позиций оставалось не более шести сотен метров, когда к лязгающему рокоту надвигающейся немецкой армады внезапно прибавился новый, еще более неприятный звук. Нарастая с каждой секундой, с неба неся надрывный вой авиационных двигателей. Вынырнув из-за дымных облаков, на открытые в полный рост траншеи спикировала пара «Мессершмитов». На выкрашенных черной краской фюзеляжах зловеще белели нацистские кресты, торчащие у основания крыльев пушки заискрились выстрелами. И сразу же советские позиции густо покрылись фонтанчиками разрывающихся снарядов, оглушительно загрохотали сброшенные бомбы. Закрутились сизые вихри вывернутого тротилом и выброшенного ввысь песка. Ответно застрекотали пулеметы, забухали зенитки. Выйдя из пике, самолеты круто развернулись и ушли назад, в испачканную копотью небесную синь. А внизу, на вспаханной взрывчаткой земле, уже кипел смертельный бой.

Железные коробки танков неумолимо приближались к укреплениям, изрыгая из пушек столбы пламени. Между ними то тут, то там почва вздымалась кверху, осыпая семящую следом пехоту комями глины и осколками. Громыканье битвы заполнило все вокруг.

Головной «Тигр» вдруг замер на месте, словно натолкнулся на невидимую преграду. Ствол его качнулся в сторону, пытаясь нащупать свою цель, но через миг бессильно опустился. На броне показались яркие языки пламени. Та же участь постигла и следующую бронемашину. Это ожили и запрыгали на месте, сотрясаясь от выстрелов, противотанковые орудия на пригорке, оттягивая на себя вражескую огневую мощь. Ответ не заставил себя долго ждать. Оглушительные всплески рвущихся снарядов накрыли батарейные позиции. В воздух подбросило оторванную станину развороченной «семидесятипятки». В крошечной пыли мелькали силуэты солдат, продолжавших в адском пекле вести жестокий бой.

Все поле боя превратилось в гигантскую жаровню, в беспорядочное месиво плавящегося железа, кричащих людей и громоподобных вспышек. Гусеницы немецких танков добрались до переднего края советских войск, давя невысокий бруствер, обрушивая и засыпая окопы вместе с засевшими в них бойцами. В стальные громадины полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью. «Пантера» завертелась на месте, эффектно чадя горящим топливом...

...Сидя на раскладном кресле с выбитой на спинке надписью «Зымарин С.С.», режиссер нервно грыз дужку солнечных очков, наблюдая за разворачивающейся прямо на его глазах кровавой драмой, им же придуманной. Две недели подготовки, бессонных ночей, споров до хрипоты с постановщиками трюков и продюсером вылились наконец-то в решающую битву, которая должна была стать апофеозом всего фильма. Весь этот сложный процесс можно было сравнить с выстраиванием фигур из костей домино: времени и сил на сборы уходит невероятное количество, а сам процесс занимает считанные минуты. И с его началом вмешаться в него и что-либо изменить практически невозможно. Своеобразная цепная реакция. Миллионы, вложенные в создание проекта, в буквальном смысле выгорали на поле боя красивыми факелами подбитых танков и испарялись в виде столбов дыма и всполохов взрывпакетов. Сцена подходила к концу. Пока все шло по плану, баталия смотрелась очень правдоподобно. Пиротехники не пожалели зарядов и горючих смесей, солдаты массовки «сражались» и «погибали» с чув-

ством, техника не подводила. Но седому мужчине что-то уже начинало не нравиться – это было превосходно видно по покрытому мелкими морщинками лицу, которое все больше и больше приобретало сосредоточенно-злое выражение.

В десятке шагов от него постановщик трюков изо всех сил орал на кого-то по рации, но разобрать, что именно он кричал и кому, в грохоте пиротехнической какофонии было невозможно. Каскадеры и пиротехники сгрудились у полевого пункта управления, от которого исходили все команды сотням разложенных на поле зарядов и хлопушек. Нажатием кнопки они поднимали за притормозившим у специальной метки танком стену огня, ловко имитировали минометные взрывы среди наступающих «фашистов», которые были строго проинструктированы, что к помеченным красными планками бугоркам и холмикам приближаться ближе чем на пять метров нельзя.

Наконец прозвучала команда «стоп», продублированная добрый десяток раз. Подрывники истощили свои запасы. Все. Теперь оставалось только молиться, чтобы операторы оказались на высоте и сняли все так, чтобы понравилось режиссеру, поскольку собрать для дубля такое же количество людей и техники было невозможно. Попросту не хватит денег, даже с учетом того, что они идут из-за границы, из Германии. Батальная сцена и так сожрала львиную долю бюджета картины, еле концы с концами свели.

Седовласый представительный мужчина порывисто поднялся со своего места и схватил мегафон. Привыкшие к работе с Зымаиным люди приготовились к промежуточному «разбору полетов».

– Чуклин! Почему у тебя танк посреди поля раскорячился? Передохнуть вздумал?

Лысый, как колено, потный удалец в кожаной жилетке на голое тело хмуро взглянул на разогревающегося шефа.

– Я тебя спрашиваю, Чуклин! Где взрывы? Где отлетающая башня? Мне что, из-за вашей лени всю сцену заново снимать? Что молчишь?

– Сергей Сергеевич, ну невозможно без накладок ведь! Техника же древняя, как динозавры, убитая напрочь! Ну заглох танк, и черт с ним. Тем более башня не у него слететь должна была, а у «восьмерки». Там все в ажуре. А вокруг этого и так три пиропатрона рванули. Смотрелось в лучшем виде, как прямое попадание...

– Это у тебя сейчас будет прямое попадание и контузия! Ты меня учить, что ли, вздумал, шалопаз? «Смотрелось в лучшем виде»! – Режиссер постепенно повышал обороты. Сегодня он был не в самом хорошем расположении духа. – А бомбы? Это разве бомбы? Это же вообще фигня полная! Дети китайским ширпотребом у подъездов и то громче шалют! И откуда среди наших эта собака взялась?

Рыжеволосый ассистент режиссера удивленно переспросил:

– Какая собака, Сергей Сергеевич?

– Никому ничего не надо! – еще больше вскипел Зымаин. – Я один за всем следить должен! Может, мне и полы еще в гостинице мыть начать? Кто, спрашиваю, собаку на съемочную площадку пустил? Ту самую облезлую дворнягу во втором окопе, где был взрыв и горы трупов!

– Не было никакой собаки, – не очень уверенно заявил Вилин. – Я вроде в бинокль смотрел. Бойцы нормально легли, очень реалистично...

– Вроде Володя, да только не тот! – грозно зарычал седой. – Я еще не до конца ослеп! Солдаты от взрыва, значит, героически гибнут, а псине – хоть бы хны! Сматывается, поджав хвост, гадина!

Девушка с «хлопушкой» тихонько прыснула в кулачок. И совершенно напрасно: от острого уха режиссера это не укрылось.

– А ты чего ржешь, пигалица? Когда с хлопушкой обращаться научишься? Не дай бог на просмотре в кадре твой нерасторопный зад дольше положенного задержится – уволю к чертовой бабушке!

Девушка обиженно покраснела и автоматически разгладила ладонью юбочку на той самой «нерасторопной» части тела.

– Все, потом со всеми разберусь! – глянул на часы Зымарин. – У нас еще работы немаловато, а вы растабарились здесь, как на ярмарке! Давай бегом к отдельным эпизодам готовиться, пока общий план сносный. Саня! Добавь дыма на поле! «Тридцатьчетверки» убрать, фашистов назад слегка! И огня, огня побольше! Что вам, бензина жалко? Где мотоциклист? Где медсестра? Быстро на исходную! Солнце уходит!

Словно подброшенные внезапным толчком, участники фильма бросились исполнять свои обязанности. За сегодня предстояло снять еще один сюжетный эпизод: прыжок на мотоцикле через траншею. По задумке режиссера, несколько эсэсовцев должны были катить по полю, один из них на ходу перелететь через окоп, поливая из пулемета обороняющихся, а советская медсестра, вытаскивающая с поля боя раненого, подорвать наглого фрица гранатой.

...Виктор Громов, одетый в нацистскую форму, тихонько газовал, сидя в седле того самого мотоцикла, на котором неделю назад возил Вилина и его подружку в Никитов Гай. Рядом стояло еще три похожих машины. Гром покосился на своих друзей, которые очень странно смотрелись в фашистской форме, и улыбнулся. Если не сильно придирааться, ему и его товарищам крупно повезло. Мало того, что за привычное дело – катание на байках – им платят деньги, так еще и в фильме засветятся! К тому же за казенный счет покататься по стране – тоже неплохое развлечение летом. В общем, совмещали полезное с приятным. А у самого Виктора еще больше было поводов радоваться подвернувшейся работенке. Ведь вместе с ним в съемках участвовала его девушка – Аленка Пономарева. Кстати, это именно она должна была швырнуть гранату под его «Zuendapp». Вспомнив, как здорово сидела на стройном девичьем теле военная форма, Виктор еще раз довольно улыбнулся, за что удостоился ругани от ассистента режиссера:

– Ты что скалишься? Ты в атаку прешь, под пули! Тебя грохнут через две минуты, а у тебя рот до ушей! Настроился живо! Там враги, физиономию пострашней и вперед по команде!

На другом конце площадки Пономаревой тоже пришлось несладко. Гримеры перепачкали ее в красной краске и грязи, по требованию режиссера надорвали рукав гимнастерки, «чтобы было видно беззащитное женское плечико».

– Значит, так, – давал последние наставления Зымарин, возвышаясь грузным телом над распластавшимися в пыли актерами. – Ты раненый, лежишь ничком. Глаза закрыл и вообще не шевелишься! У тебя осколком кишки выпустило, понял?

Парень, обмотанный кровавыми бинтами, послушно кивнул головой и улегся в требуемую позу.

– Ну что ты развалился, как на пляже? – недовольствовал седовласый толстяк. – Тебе плохо, ты без сознания! Валяешься, как мешок с картошкой! Руку закинь подальше! Еще! Вот так! Теперь медсестра: по команде подползаешь к нему, разворачиваешься и начинаешь тащить вон в ту сторону. Слышишь, красавица? Вон туда, на камеру. Только ради всего святого на нее не смотри! Порешу на месте, будешь вместо этого «обрубка» валяться. Как только мотоциклист твой вот у той кочки окажется – достаешь гранату. Как только взлетает – швыряй ее что есть мочи. И желательно попасть в ямку, которую тебе показывали. Все помнишь? Тренироваться будем или сразу сыграем?

Рядом появилась фигура ассистента:

– Мотоциклисты готовы, Сергей Сергеевич...

– Не лезь под руку, когда я с актерами работаю! – рявкнул на него Зымарин. – Все! Всем приготовиться!

Широко размахивая руками, он направился к своему креслу под зонтиком. Жара порядком доставала его, пот ручьями стекал по морщинистому лицу. Вилин, как привязанный, следовал за ним, ничуть не обижаясь на ругань. Он знал свое место и относился к режиссерским

всплескам эмоций совершенно спокойно. Все-таки пока он был всего лишь ассистентом, все решал Зымарин. Хотя кое-что зависело и от него. Чуть приблизившись к своему боссу, Руслан вполголоса озвучил свои опасения:

– Сергей Сергеевич! Может, не стоит рисковать – выпускать неподготовленную девчонку из массовки. Есть же у нас свободные актеры...

– Ты все об Элечке печешься? Молодец!

– Я не ее имел в виду...

– А ты забыл, наверное, сколько будет страховка для настоящей актрисы стоять? А уговоров на эпизодическую роль, да еще с риском, сколько надо? – Сергей Сергеевич скорчил издевательскую мину. – Забыл! Или не знал? Салага... Девчонка из массовки, да еще бойкая такая, как эта, все на «три – пятнадцать» сделает, причем за копейки! Учись, сынок...

Девушка в коротенькой юбке выскочила вперед и звонко щелкнула хлопушкой.

– Сцена пятьсот четвертая, дубль первый, – выкрикнула она, старательно наморщив милый носик, и тут же стремглав кинулась в сторону, стремясь как можно меньше попадать в объективы камер. Обещанная со стороны Зымарина расправа была для нее слишком жестокой.

Мощные профессиональные видеокамеры бесстрастно стали фиксировать происходящее на съемочной площадке. Алена, царапая в кровь колени и локти, поползла по сухой земле к распростертому телу раненого солдата. Несмотря на небольшое расстояние, на ее лбу выступили капли пота, мгновенно смешивающиеся с пылью и больно щиплющие глаза. С трудом она представляла себе немыслимый труд настоящих сестер, во время войны под огнем спасавших бойцов. Невероятно тяжелое занятие. Впереди послышался знакомый стрекот мотоциклов, и девушка напряглась. «Фашисты» приближались. Скользя ботинками по подсохшей траве, она с силой потянула неподатливое тело «раненого», руки которого болтались, словно плети, не давая возможности как следует уцепиться.

Громов превосходно видел то, что происходило впереди: траншею, которую ему надлежало перелететь, свою девушку, ползущую в обнимку с каким-то парнем, что самому байкеру особенно не понравилось, съемочную группу, столпившуюся чуть поодаль. Рядом мчались, подсакивая на кочках и постреливая на ходу, товарищи по мотоциклетному братству. Скоро прыжок. Виктор собрался. Через несколько секунд его «Zuendapp» достигнет замаскированного помоста, который позволит тяжелой трехколесной машине оторваться от земли и на короткое время воспарить над ней. Эта часть трюка для Громова была несложной. Труднее было правильно «посадить» мотоцикл, а потом благополучно опрокинуть его на бок сразу после взрыва, помня не только о своем здоровье, но и о целостности партнера, что есть мочи вцепившегося от волнения в пулемет. За травму по головке не погладят!

Руль слегка дергался в крепких руках парня – переднее колесо скакало по неровностям. Ветер теребил ремешок металлической каски, который трепетал в струях воздуха, довольно чувствительно шлепая по щеке. Но обращать внимание на такие мелочи уже не оставалось времени: до мостка оставались считанные метры. Памятуя о баснословной стоимости транспортного средства, которое также требовалось сохранить невредимым, Виктор привстал в седле, чувствуя, как от напряжения подрагивают колени. Мгновенье... еще одно... и тяжелый разведывательный мотоцикл, глухо ударив резиной колес по дощатому настилу, взмыл в небо...

Краем глаза Громов видел перекошенное лицо своего напарника, к счастью, не забывшего надавить на спусковой крючок, на миг почувствовал пронзительную пустоту в желудке от невесомости. Время замедлилось, стало тягучим, как расплавленный асфальт. Раскатистые трели «MG-43», лупившего прямо над ухом холостыми патронами куда-то в сторону оператора, звучали приглушенно, словно доносились из-за сотен метров. Совершенно инстинктивно, действуя на полном автопилоте, тело Громова откинулось назад, пытаясь выправить траекторию движения мотоцикла, который стал неумолимо заваливаться на сторону. Сознание даже не успело поучаствовать в этом процессе, хоть и фиксировало все происходящее

с необычайной четкостью. «Zuendapp», отчаянно вздрогнув, шарахнулся об утоптанную площадку сначала передним колесом, чуть не вывернув кисти Виктору, а потом, едва чиркнув коляской по песку, опустился на все три точки опоры, чтобы тут же подпрыгнуть и как следует встряхнуть своих седоков. От помеченного красным флажком бугорка с пиротехникой каскадеров отделяла лишь пара секунд. И Громов использовал их максимально, чтобы выровнять непослушный мотоцикл и приготовиться к «катапультированию».

Муляж гранаты, пущенный рукой Аленушки, шлепнулся довольно близко к задуманному. Пиротехники тут же подорвали первый взрывпакет. Перед носом мотоциклистов выросла яркая вспышка, по барабанным перепонкам бухнула звуковая волна. Резко крутанув руль в сторону, Виктор ощутил, как «корма» мотоцикла вместе с ним ненормально задирается кверху, обгоняя переднее колесо. Не дожидаясь, пока мотоцикл накроет его всей массой, Виктор легко соскочил с сиденья, уходя в красивый кувырок в сторону. Его напарник проделал то же самое чуть раньше. Плюхнувшись ничком в пыль, каскадер успел заметить, как мотоцикл грузно перевернулся и, пропахав немного грунт, замер, покачиваясь. Вторая порция безобидной, но ужасно громыхающей и сверкающей пиротехники шарахнула между ним и камерой, создавая иллюзию взрыва бензобака.

И все стихло. Только продолжало крутиться переднее колесо, задевая о раму парой выбитых спиц. Виктор с упоением продолжал изображать укокошенного фрица, распластавшись на животе и прикрыв глаза. Команды «Стоп! Снято!», понятно, не слышал. Хотя логика подсказывала, что пора бы уже и поднять актеров с земли. Однако за свою недолгую карьеру Виктор усвоил одно – чем точнее выполняешь требования режиссера, тем меньше на тебя орут и обвиняют во всех смертных грехах. Кто его знает, что на уме у этого седого толстяка? Встанешь вот так, сам по себе, а окажется, что сорвал важную сцену! И придется очередной дубль снимать, а бедному мотоциклу это на пользу не пойдет. У Виктора и так сердце кровью обливалось, когда ему пришлось шмякать «Zuendapp» оземь, поэтому он предпочел не рисковать и терпеливо дожидаться отбоя.

Рядом с ним послышались шаги. Кто-то склонился над ним, потом присел рядом на корточки. Виктор не шевелился. Вдруг сценарий изменился и теперь так положено? Это ж кино, тут ничему нельзя удивляться! Только вот почему никто не предупредил его о продолжении? Вот черт! Этот кто-то, похоже, играл свою роль. А вот Громову-то что делать? Парень пораскинул мозгами и решил, что самым правильным на месте скоропостижно скончавшегося эсэсовца было бы помалкивать и, уж конечно, не вскакивать с радостной физиономией.

Его осторожно потрясли за плечо. Сначала легонько, потом все сильнее. «Ха-ха! – подумал Виктор. – Не на того напали! Команды «стоп» не было!» И со спокойной душой продолжил валяться. Тот, кто теребил его, вдруг вскочил и надрывно закричал голосом Алены Пономаревой:

– Он ранен! Скорее сюда! Помогите!

«Ничего себе кино! – мысленно удивился Виктор. – Она ж советская медсестра по сюжету! Какого лешего она так по фашисту убивается? Что-то здесь явно не так!» Приоткрыв один глаз, он осторожно повернул голову и чуть не вздрогнул: к нему сломя голову бежала добрая половина съемочной группы. Причем безо всякого грима и прочих атрибутов киношной деятельности. Громов порывисто сел и тут же оказался в цепких объятиях своей подруги:

– Витенька! Ты живой? Ты целый? Где у тебя болит?

– Да нигде у меня не болит! – возмутился парень, пытаясь подняться на ноги. Сделать это с рыдающей от радости медсестрой на шее оказалось не так-то просто. – Живой я, живой!

– Витька! Так нечестно! – Алена обхватила ладонями его лицо, глядя глаза в глаза. – Ты зачем меня пугаешь, а? Я думала, ты убится совсем! Трясу, трясую тебя, а ты хоть бы слово сказал!

Громов довольно улыбнулся:

– Значит, классно сыграл, да?

– Так ты издевался? – Алена еще сильнее сдвинула красивые брови.

– погоди, милая! Не хмурься...

Договорить ему не дал громкий шепот, донесшийся откуда-то справа.

– Гром! Гро-ом!!

Парень с девушкой, как по команде, обернулись в эту сторону, пытаясь определить местоположение источника этого таинственного призыва. Голос шел откуда-то из-за опрокинутого мотоцикла:

– Гром! Ты слышишь меня?!

Живо обойдя поверженное взрывом транспортное средство, Виктор наткнулся на валяющегося в пыли напарника, который всего несколько секунд назад, сидя в коляске, так залихватски расстреливал мнимого противника.

– Слышу, – непонятно отчего он тоже перешел на шепот.

– Гром! – все так же тихо, не поднимая головы, поинтересовался пулеметчик. – Можно уже вставать или нет? Я задолбался на этих кочках лежать! Кости ломит!

Громов схватился за живот. Чтобы не упасть от смеха, ему пришлось шагнуть назад и опереться о мотоцикл:

– Значит, не я один такой... ха-ха... Вставай! Все кончилось уже! Наши победили!

– Что у вас тут происходит? – Крепыш в жилетке оказался проворнее всех в съемочной группе и подбежал к радостно вскакивающему с земли каскадеру первым. – Травма? Я же говорил, не надо пацанов на такой трюк...

– Да все у нас в порядке! – поспешил заверить его Виктор. – Все целы! Все нормально. Мы просто команды «стоп» не слышали, думали, что снимать продолжают!

– Вы, вашу мать, всех перепугали до смерти! – Чуклин неожиданно разозлился. – Мы-то уже кишки ваши собирать мчались и кости разбитые, а вы дурака валяете!

Товарищ Громова по трюку сердито глянул на ворчащего киношника, что есть силы лупя себя по рукавам в попытках отряхнуть форму. Это помогало мало, но делалось не для того, чтобы стать чище – даже прачечной пришлось бы немало попотеть, приводя штаны и куртку в первозданный вид. Отряхивался он для того, чтобы подчеркнуть следующее: ему пришлось проехать по полю на собственном пузе, удовольствие от этого он получил сомнительное и не намерен просто так выслушивать дурацкие обвинения.

– Пусть режиссер громче в рупор свой кричит! – огрызнулся он. – У меня до сих пор от хлопущек в ушах звенит и в глазах двоится! Я что, мышь летучая, после взрывов еще и команды различать, тем более если их шепчут еле слышно!

– Ничего себе – «шепчут»? – Чуклин скорчил свирепую физиономию, хотя прекрасно знал, что Зымарин проигнорировал громкоговоритель, когда останавливал камеру. – Да все до единого слышали, одним вам режиссер не угодил!

Громову пришлось вмешаться – и сам ведь чуть не пострадал из-за собственной чрезмерной дисциплинированности. Расстегнув форменную куртку, он пошевелил лапами, создавая приток воздуха к разгоряченному телу: все-таки взмок, несмотря на казавшуюся простоту трюка.

– Ну будет вам скандалить, – примирительно вставил Виктор, уводя своего друга к лежащему вверх ногами мотоциклу. – Все выяснили – и хватит. Что там, все удачно отснято? Или к дублю готовиться? Сергей Сергеевич, что скажете?

Неспешно подошедший ближе Зымарин остановился в паре метров от запыхавшихся актеров. Скептически склонил голову набок:

– Ладно... не буду вас больше терзать. Сойдет... да и солнце уже уходит...

Это был самый большой комплимент, на который он был способен на съемочной площадке. Все облегченно вздохнули – новичкам сегодня везло, как никогда.

– Значит, у нас получилось? – радостно уточнила Алена, которой тоже крепко досталось – на коленке и локте пылали ссадины, волосы растрепались, а на лице темнели следы размазанной ладошкой пыли.

Режиссер удивленно повел в ее сторону бровью, словно вопрошая у всех, откуда здесь взялось это непонятливое создание. Затем выдержал паузу, удостоив девушку испепеляющего взгляда, и надменно фыркнул:

– Вот только не стоит слишком много о себе мнить, пташка! А тем более задирать нос: твоих актерских способностей едва хватило на то, чтобы все не испортить. Так что на твоём месте я бы не лез с глупыми вопросами, а продолжал упорно работать над собой, чтобы мне не было стыдно за тебя на премьере.

Щеки девушки вспыхнули от обиды. Развернувшись на каблуках подобранных не по размеру солдатских сапог, она зашагала прочь к своему парню, который как раз руководил восстановлением правильной пространственной ориентации немецкого разведывательного мотоцикла и издевательскую ремарку режиссера пропустил мимо ушей.

Проводив стройную фигурку плотоядным взглядом, рядом с Зымариным возник черно-волосый продюсер картины.

– Мне казаться – ты слишком строго с медхен! – прозвучал его чуть охрипший голос. – Она хорошо стараться!

Седовласый недовольно покосился в его сторону, встретившись с бледно-голубыми глазами немца. С каким трудом ему удавалось держать себя в руках и терпеть присутствие этого совершенно лишнего на съёмочной площадке типа, одному богу было известно. Стиснув зубы, режиссер изобразил на лице подобие улыбки:

– А вот и вездесущий господин Шнайдер! Здравсьте вам, давненько не виделись! Часа два. Что, соскучились уже?

Черноволосый гортанно рассмеялся, но вышло это тоже не очень искренне. Скрестив руки на груди, он парировал:

– Да! Точно так! Куда мне без вас?

– На кудыкину гору. – Зымарин явно недолюбливал своего собеседника, но старался это скрывать, хотя бы на людях. – Это шутка такая.

– Смешной шутка. Надеюсь, эпизод не переделывать не из-за дефицит денег?

– Что ты, что ты! – Режиссер повернулся к чернявому всем грузным корпусом и подпустил в свои слова столько яда, сколько мог. – Денег же море у нас! Просто куры не клюют! Особенно после того, как ты третий транш перевел! Кормилец ты наш!

– Третий транш я еще не переводить, – серьезно заметил Шнайдер. – Мы уже говорить об этом...

– И я о том же. – Зымарин приблизился к нему вплотную и почти зашипел: – Мы уже в долгах по уши! А ты все тянешь резину! Как завтра снимать будем, я уже не знаю!

Черноволосый вздернул свой заостренный подбородок:

– Это не я тянуть! Это ваши...

– А меня послушать трудно?! – перебил его режиссер. – Я триста раз уже объяснил, как нужно сделать. Эх, да что с тобой разговаривать! Все как об стенку горох...

«Zuendapp», со скрипом опустившийся на все три колеса под напором ребят, отвлек внимание руководства. Вокруг «железного коня» столпилась небольшая группа людей во главе с Громовым, который сантиметр за сантиметром принялся ощупывать и обнюхивать драгоценную машину, отыскивая повреждения. К сожалению, совсем без них не обошлось. От удара из колес выбило несколько спиц, а при кувыркании немного помялось переднее крыло да содралась эмаль с коляски в том месте, которым она зацепила грунт. А в остальном – все было в полном порядке, хотя Виктору так не казалось. С озабоченным видом он и так и сяк разгля-

дывал «раны» своего мотоцикла, прикидывая одновременно в уме, как их можно исправить. На его плечо легла нежная рука Алены.

– Ну вот, видишь – он почти не пострадал! – подбодрила девушка, чмокая своего возлюбленного в ухо.

– В том-то и дело, что почти, – тяжело вздохнул парень. – Вот вмятина какая... и вот... Говорил же им – давайте без опрокидывания! Так нет же, «не будет смотреться»! А как тут без поломок?

– Да не переживай ты так, милый! Ты все сделал очень хорошо! Мотоцикл ведь тяжелый, не мопед какой-нибудь! Я думала, что все будет гораздо хуже.

Громов приобнял подругу:

– Если честно – я тоже так думал. В конце концов, риск был запланирован...

– А ты и не такие ужасы ремонтировал, – вставила Алена. – Помнишь, Мишка на своей «Яве» в кювет слетел? Помнишь?

Словно из-под земли рядом со слегка побитым трофейным мотоциклом появился ассистент режиссера с блокнотиком и ручкой.

– Так, так, – забормотал он себе под нос, присев рядом с Громом и ковыряя царапину на коляске ногтем. – Крыло – в сосиску, краска – ободрана, колеса... Кстати, что с колесами? Ехать он может?

– Может, конечно, – Виктор с опаской посмотрел на Вилина. – Он вообще целый, только слегка потрепан...

Рыжеволосый парень поправил кожанку, перекинутую через плечо, и что-то застрочил у себя в маленькой книжице.

– Ты хоть знаешь, Громов, где мы этого зверя отрыли? В спецгаре «Мосфильма»! Еле-еле выпросили! Ты бы видел, как они его давать нам не хотели. Грудью стояли! Только личными связями и обаянием удалось этого красавца добыть для нашего фильма. Да... а вы тут такого натворили...

Виктор насупился:

– Да ничего ведь не случилось! Тут же работы на пару часов...

– Не знаю, не знаю, – зацокал языком Руслан, поднимаясь на ноги и с сомнением качая головой. – Ой, не знаю...

Оставив Громова наедине с «разбитым» мотоциклом, он подошел к Зымарину, неизвестно откуда выудив папку с ворохом документов.

– Сергей Сергеевич! Тут очень неприятная ситуация образовалась. Похоже, мы здорово вляпались.

Режиссер зыркнул на него недобро:

– Что ты там еще раскопал?

– Да вот, гляньте, что с раритетной вещью приключилось: в процессе трюка мотоцикл получил довольно серьезные повреждения. На «Мосфильме» этому не обрадуются!

– Да? – Зымарину страшно не хотелось вникать в такие мелочи.

– А у нас есть договор об аренде, – невозмутимо продолжал гнуть свое Руслан, – согласно которому в случае причинения имуществу ущерба мы не только должны восстановить автотранспортное средство, но и выплатить штраф арендодателю. А это немалая сумма! Мы и так в бюджет не укладываемся, а если будем выплаты такие осуществлять – прогорим!

– Да не ори ты! – шикнул на него режиссер и, страшно вращая глазами, указал на крутящегося неподалеку Шнайдера. – Если этот услышит что-нибудь про деньги – опять скандал будет! С ним же по-человечески договориться невозможно, это не человек, а машина. Давай выкладывай, какие у тебя варианты. Я ж тебя знаю – ты не стал бы начинать этот разговор, если бы не имел в рукаве какого-нибудь козыря.

Немецкий продюсер этого разговора не услышал, однако их слова долетели до ушей Громова, который встревожился не на шутку. Ведь управлял изуродованной машиной он. Значит, и виноватого искать долго не придется. Оставив на секунду свою подругу, почти бегом приблизился к режиссеру с его помощником.

– Послушайте, пожалуйста, Сергей Сергеевич! Там же не все так ужасно! Несколько царапин – и только, я за один вечер все исправлю!

– Виктор! – с видом строгого преподавателя к нему обернулся Вилин, хотя был ненамного старше. – Тут необходима помощь специалиста. Ведь надо сделать так, чтобы ни одна собака не пронюхала, что с мотоциклом вообще что-либо происходило. Он должен выглядеть нетронутым, ровно таким, каким мы забирали его из гаража «Мосфильма»! Иначе – штраф.

От суетливой толпы зевак и работников кинобизнеса, галдящих и носящихся по площадке, отделился невысокого роста поджарый человек с сутулой спиной и непропорционально длинными руками. С неподдельным интересом оглядывая все вокруг, он неспешно двигался мимо собранного ассистентом стихийного совещания. Привычный рабочий комбинезон Пальцев сменил на джинсы и рубашу, и хотя со стороны он смотрелся совершенно обычным человеком, чувствовал механик себя в этой одежде и в таком скоплении людей не очень уютно. Заметив разговаривающих с каким-то важным типом Вилина и Громова, он узнал их сразу, тем более что Виктор снова был переодет в эсэсовца, а веснушчатая физиономия Руслана запомнилась лучше некуда. Отказавшись от мысли первым подойти и поздороваться, мастер ремонтного дела кивнул им издали. К его изумлению, ребята ответили ему тем же, улыбаясь, как старому знакомому. А Вилин вдруг призывно помахал рукой, одновременно тараторя о чем-то седому толстяку, который слушал его с начальственным видом.

– Вот и удача нам улыбнулась! – радостно приветствовал Пальцева Руслан. – Познакомьтесь, Сергей Сергеевич! Это лучший автослесарь всех времен и народов, которого мне довелось встретить за всю свою не долгую пока жизнь.

Режиссер критически оглядел так старательно разрекламированного механика, заметил наколку на руке, криво усмехнулся:

– Здорово. Есть своя мастерская? Или на кого-то работаешь?

Механик по своему обыкновению разговорчивостью не отличался.

– Своя.

Вилин порывисто ухватил его за рукав и чуть развернул в сторону стоявшего в паре метров мотоцикла:

– Петрович, глянь, беда какая приключилась! Мы малость машину покорежили, а она нам еще нужна. Сделаешь?

Пальцев на секунду задержался взглядом на помятом крыле, потом перевел его на режиссера и его помощника.

– Деньги все сделать могут, – сообщил он им, хитро сощулив один глаз.

– Какой разговор, Петрович! – Вилин протянул ему руку для рукопожатия. – Договоримся!

Полный холеный палец Зымарина ткнулся в грудь ассистенту.

– Ты за все отвечаешь, – бросил режиссер, потеряв всякий интерес к дальнейшим переговорам, и спокойно удалился под благодатную тень навеса, где его ждало именное кресло и переносной вентилятор.

– Как всегда! – радостно отозвался Вилин. – Ну так что, Петрович? Когда можно технику подогнать? Завтра нормально? А то у нас со временем туго – все по минутам расписано. Кино, сам понимаешь!

Механик молча кивнул головой, соглашаясь сразу со всем сказанным.

– Вот и славно. – Ассистент режиссера пометил что-то в своем ежедневнике и обратился к Громову, который втихую перемигивался со стоявшей неподалеку Аленкой. – А ты, Виктор,

запомни одну вещь: в кино каждый должен заниматься своим делом. Иначе никакого толка не будет. Ведь ты же у нас каскадер, а не механик, так? Вот и пусть мотоциклом займется Петрович, у него это лучше получится, согласен? Все, давай. Пока свободен.

– Как скажешь. – Виктор поначалу собирался расстроиться, но потом, глядя на подкравшуюся к нему «медсестру», быстро передумал. Ведь отдавая «Zuendapp» в руки Петровича, он мог не только не беспокоиться о его дальнейшей судьбе, но и получал в свое распоряжение еще один свободный вечер. Тот, который собирался потратить на ремонт. Это занятие было интересным, но можно было найти и еще более увлекательное времяпрепровождение. И он, обнимая свою Аленушку, уже точно знал, что он будет делать в выдавшийся перерыв и с кем. Словно угадав его мысли, девушка плотнее прижалась к нему всем телом:

– Все-таки Вилин молодец, – шепнула она Виктору. – Мне достанется больше твоего внимания.

– Угу. – Вдохнув запах ее волос, Гром уже не мог думать ни о чем другом.

– Вот только редко с ним такое, – продолжала Алена. – «Каждый должен заниматься своим делом!» Ага, как же! Интересно, что это здесь Волынская делает? Роль у нее в фильме была маленькая, на десять секунд, и ту уже давно сняли. А командировку ей на весь срок выписали. В отдельном номере живет.

– Она смазливая... – неосторожно обронил Виктор, любуясь отражением неба в девичьих глазах.

– Что-о? – Подруга уперлась ему в грудь обеими руками и отпрянула назад. – И ты туда же? Ну, знаешь...

– Прости, я сказал глупость. По сравнению с тобой – онамышь полевая, причем после долгой и изнурительной болезни. А ты что, меня ревнуешь, что ли?

– Вот еще! А она тебе правда нравится?

– Нет, конечно, – Громов смастерил честную физиономию. – Ни капли. И я ей тоже.

– А вот это вопрос спорный. Она хоть и «смазливая», как ты выразился, но подержанная. Я бы на месте Вилина уже давно бы взбесилась: вроде как с ним приехала, а каждый вечер возле режиссера крутится.

– Выдумываешь. – Виктор обнял ее за плечи.

– Да что ты говоришь! – Алена сморщила носик. – Просто я, в отличие от вас, мужчин, вижу что-то еще, кроме ее накладных ресниц и тощей задницы, кстати, не такой уж и идеальной...

Глава 6

– Простите, нельзя ли здесь установить камеру? – Оператор частного немецкого телеканала вопросительно указал на резной журнальный столик, украшавший ближний угол шикарно обставленного кабинета.

Занимавший главенствующее кресло импозантный мужчина с идеально ухоженным, но несколько бледным лицом, ответил на отличном немецком:

– Да, конечно, сейчас мой секретарь уберет оттуда все лишнее.

А затем, не вставая с места, нажал на кнопку внутренней связи и уже по-русски вызвал свою помощницу:

– Людмила Александровна, зайдите ко мне на секунду.

Фигуристая блондинка в брючном костюме появилась незамедлительно.

– Помогите, пожалуйста, нашим гостям из Германии разместить свою аппаратуру, – требовательно попросил он. – И приготовьте всем кофе.

– Да, конечно, Анатолий Львович, – ответила девица, грациозно обходя дубовый полированный стол, за которым чинно усаживались зарубежные киноведы и журналисты. С трудом взяв в охапку солидную стопку журналов «Кинокадр», «Российское кино» и еще несколько иностранных, секретарь мило улыбнулась оператору и выскользнула из просторной комнаты, стены которой были увешаны портретами знаменитых актеров, грамотами и призами кинофестивалей.

Едва стала возможной видеосъемка, журналисты принялись за свое любимое дело – «допрос с пристрастием» видного российского чиновника, ведающего делами кино. К чести последнего, господин Рылонин отвечал не только красиво, пространно, но и по существу, что было особенно ценно, так как общение происходило на языке Шиллера и Гете.

– ...Насколько велик бюджет фильма и каковы вложения обеих сторон в его производство?

– К сожалению, пока я не вправе озвучивать эту информацию – коммерческая тайна, вы должны понимать. Чуть позже любой желающий сможет ознакомиться с этими данными, все финансовые отчеты будут доступны целиком и полностью. Сегодня я могу сказать лишь одно: проект грандиозный по своему замыслу и соответственно весьма и весьма дорогой. Основные денежные вливания производятся германской стороной в соответствии с ранее составленными договоренностями...

– ...Скажите, почему для совместного российско-германского проекта была выбрана именно тема Второй мировой войны?

– Спасибо. Я ждал этого вопроса. Война, отгремевшая более шестидесяти лет назад, стала величайшей трагедией не только для русского, но и для немецкого народа. Огненный Молох унес десятки миллионов человеческих жизней, надолго посеяв неприязнь и горечь в отношениях между странами, которые пришлось с величайшим трудом преодолевать последующим поколениям. И сегодняшний совместный проект – это очередной шаг к примирению, ставящий целью укрепить те узы дружбы и сотрудничества, которые складывались между нашими государствами долгими веками. Не секрет, что создание данного фильма имеет и определенное политическое значение, что объясняет столь пристальное внимание к нашей работе со стороны правительств как Российской Федерации, так и Германии...

Интервью продолжалось более полутора часов, а Рылонин ни разу не взял паузы, ни разу не сбился. То и дело звучали высокие слова о новом европейском мышлении, о свежем взгляде на прошлое, о громадном значении кинематографа в деле воспитания молодого поколения. Не обошли дотошные корреспонденты стороной и тему ксенофобии и различных призраков неонацизма, мелькающих в последние годы в России. Чиновник тут же связал все эти негатив-

ные явления с малым количеством правдивых и столь нужных всем качественных фильмов, с засильем американских третьесортных боевиков, несущих в умы подростков совсем не то, что стоило бы нести.

Наконец, взглянув на дорогие часы на левом запястье, Рылонин изобразил на лице очаровательную голливудскую улыбку и сообщил гостям, что страшно ограничен по времени и просит у всех прощения за необходимость прервать столь милую и непринужденную беседу. Журналисты засобирались, шумно задвигая тяжеленными стульями из натурального дерева, коими был обставлен весь кабинет чиновника «Госкинофильма». Погас пытливый зрачок видеокамеры. Продолжая улыбаться, Анатолий Львович терпеливо ожидал, пока все соберут свои диктофоны и камеры, смотают провода и уберут дополнительное освещение. На столе зажужжал мобильный телефон, поставленный на бесшумный режим в связи с пресс-конференцией. Рылонин мельком взглянул на номер звонившего и, еще раз улыбнувшись, вышел в соседнюю с кабинетом комнату отдыха.

– Да, я слушаю. – Двери остались неплотно прикрытыми, и можно было услышать обрывки его телефонного разговора. – ...Да, конечно, можете говорить.....Весьма вероятно... Основная сцена отснята? Хорошо... Я прекрасно понимаю – повторно собрать такую же массовку совершенно нереально... Но это же значит, что фильм выбьется из бюджета!!

Чиновник оглянулся на щель в дверном проеме и несколько понизил голос:

– А что насчет третьего транша?.. Ничего?.. Да, это должен быть самый крупный денежный перевод из всех... Хорошо. Смотрите по обстоятельствам. Вам оттуда виднее...

Сложив трубку, Рылонин сжал ее в пятерне и постоял в задумчивости несколько секунд, играя желваками. А затем снова вышел к немецкой делегации, которая уже почти покинула его кабинет:

– Счастлив был всех видеть! До встречи!

Глава 7

Мелькнула и осталась позади табличка с названием населенного пункта «Никитов Гай». Ехать «с ветерком», с наслаждением посылая раритетный байк «галопом», дорога почти не давала, но Громов, несмотря на свой молодой возраст, был опытным байкером, прошедшим за свою жизнь в удобном для него седле времени больше, чем на своих двоих, и только что отремонтированный «Zuendapp» довольно резво мчался, ловко маневрируя между рытвинами и кочками. Вилин, ездивший вместе с ним забирать мотоцикл из мастерской Петровича, развалился в коляске и весело насвистывал какие-то песенки, подставляя лицо жалящему встречному потоку. Трясая езда ему, похоже, нравилась, поскольку он, даже чуть не вылетая на поворотах из седла, никогда не просил Виктора сбавить скорость. Громов же чувствовал себя в своей привычной стихии. Он словно слился с мотоциклом в единое целое.

С правой стороны пути показалось скопление деревьев и густого кустарника, обрамлявших в качестве живой изгороди крупное кладбище. От основной трассы к перекошенным воротам погоста вела разбитая вдрызг грунтовка. Ассистент режиссера, тронув за локоть Виктора, указал на нее. Мол, туда езжай. Громов не стал задавать лишних вопросов, послушно сбросил газ и вывернул руль. Мотоцикл, со скрипом покачиваясь на пружинных амортизаторах, подобрался к пересохшей колее и, рискуя опрокинуться, стал аккуратно пробираться к въезду.

Зеленые насаждения плотной стеной скрывали место последнего людского пристанища. Лишь кое-где сквозь листву виднелись разномастные кресты и пирамидки надгробных памятников. Приблизившись, Виктор заметил, что когда-то здесь был и настоящий забор. А теперь деревянные штакетины либо упали и сгнили в пожухлой траве, либо сплошь заросли сиренью и полевым выюнком.

Остановив «Zuendapp» рядом с въездом, Виктор заглушил мотор и вопросительно глянул на своего пассажира. Для чего тому понадобилось заезжать на местное кладбище, он понятия не имел. Вилин встал в коляске во весь рост и огляделся. Потом удовлетворенно хмыкнул и одним прыжком соскочил на землю.

– Ты обрати внимание, – порекомендовал он Громову, роясь в полевой сумке. – Кругом выжженная солнцем степь, а здесь оазис зелени. Вот что значат качественные удобрения!

Байкер молча наблюдал за его поисками.

– Ага... вот, нашел, – радостно объявил вдруг Вилин и сунул в руки Виктора блокнотик с огрызком карандаша. – Короче, так. Спишешь с полсотни фамилий, имен и отчеств с памятников по левую руку, а я по правую. Только пиши разборчивей, чтобы потом можно было понять!

Парень даже не успел спросить «зачем?» – ассистент режиссера уже скрылся в небольшом проломе рядом с воротами. Пришлось подчиниться. В конце концов, с кинопроизводством Громов был знаком лишь поверхностно, а точнее – совсем незнаком. И многие вещи, простые и понятные другим членам съемочной команды, для него оставались темным лесом. Вилин же чувствовал себя рыбой в воде, в нем чувствовался профессионализм, а профессионалам Громов доверял.

Внимательно оглядев пустынную дорогу, байкер не без опаски оставил «Zuendapp» без присмотра и последовал за пассажиром. На кладбище стояла тягучая тишина, лишь изредка прерываемая щебетом птиц да шелестом листьев. Помня об указаниях, Виктор двинулся влево, приглядываясь к надписям на надгробьях. Было что-то жутковатое в этих скупых буквах, которые остались последними напоминаниями о живших когда-то на этом свете людях. С траурных овалов на Громова глядели лица дорогих кому-то людей: стариков, молодых. Попадались и совсем дети. Рассеянно записывая на листочек их имена, он продолжал двигаться вглубь, петляя между тесно наклепленными друг на друга земляными холмиками, пока не услышал голос Вилина:

– Громов! Громов! Ну где ты там? Провалился, что ли?

– Здесь я! – отозвался Виктор, поспешно прикидывая, успел ли он набрать нужные пятьдесят фамилий.

– Хватит! Поехали! Сколько нашел – столько и будет!

Дважды просить покинуть это мрачное место Громова не пришлось. Старательно обходя едва заметные бугорки без крестов, под которыми тоже покоились чьи-то останки, он одним махом добрался до выхода. Там, за оградой, где уже нетерпеливо топтался на месте Вилин, даже солнце светило ярче и веселей. Громов облегченно вздохнул и, вернув блокнотик его владельцу, вспрыгнул в седло.

– Давай жми! – Руслан плюхнулся в коляску, с улыбкой перелистывая свои трофеи. – А то уже есть хочется так, что желудок к позвоночнику прилип!

– Угу, – согласился байкер, все еще не понимая, для чего они лазили по кладбищу.

Ассистент режиссера перехватил его недоуменный взгляд и рассмеялся:

– Ты что, так и не понял, какого черта мы здесь делали?

– Нет, – честно признался Виктор.

– Эх ты, темнота! Фамилии директор впишет в ведомость на получение денег массовой. У меня уже сил нет имена выдумывать! Надо же левые деньги иметь для непредвиденных расходов. А так видишь, как просто. Пять минут работы, и списочек готов. И мозги не напрягаются.

Громов неопределенно пожал плечами и нажал на педаль. Двигатель заворчал, захлопал и потянул мотоцикл вместе с седоками подальше от погоста.

Пару километров ехали молча. Громов переваривал полученную информацию. Потом, чуть наклонившись вправо, чтобы перекрычать треск движка, он задал давно интересующий его вопрос:

– Руслан! Я слышал, по сценарию больше эпизодов с мотоциклом нет. Все уже сняли?

Тот почесал в затылке и утвердительно кивнул:

– Все. «Zuendapp» по фильму больше не пригодится.

Этот факт Громова сильно расстроил.

– Выходит – все? – грустно уточнил он. – Завтра можно домой двигать?

– А ты что, куда-то торопишься?

– Нет, в общем-то. Как говорил один поросенок, до пятницы я абсолютно свободен.

– А чего тогда дергаешься? Гостиница оплачена, суточные идут. Да и девушка у тебя здесь – под боком.

Виктор улыбнулся:

– Это аргумент! А для нее еще работенка есть, да?

– Ну да. Для нее – есть. У нас еще куча эпизодов про полевой госпиталь, а там сестры нужны будут позарез!

– Это здорово!

– А знаешь что? – Ассистента вдруг осенило. – Ты пока не расслабляйся. Для тебя тоже дело есть.

– Какое? – обрадовался Виктор, поскольку терпеть не мог убивать время ничегонеделанием.

– Ты классный водитель, поработаешь у меня «таксистом»!

– Это как?

– Потом скажу. Короче, сегодня вечером далеко не прячься и не пей! Могут твои услуги понадобиться.

Громов глянул на ассистента:

– Идет! Байк отремонтирован по высшему разряду, можно гонять! Петрович даже всю коляску покрасил!

– Да? – удивленно протянул Вилин. – А я и не заметил.

– Так он цвет подобрал, что и не различишь!

– Ты же засек как-то.

Виктор снова улыбнулся:

– Так у меня тоже глаз наметан – не первый год «замужем»!

– На дорогу смотри, лихач! – беззлобно заворчал Вилин, доставая из кармана внезапно проснувшийся мобильник. – А то, не дай бог, еще раз ремонт делать придется!.. Да! Алло!

Плотнее прижав телефон к уху, Руслан второй рукой прикрыл второе, чтобы хоть что-то разобрать из-за шума мотора.

– Я понял, что это ты, – прокричал он в трубку. – Что?.. Не знаю, не видел.....Да нет, не брал я! Зачем он мне?..

Глава 8

Ажиотаж, вызванный появлением в районном центре съемочной группы, понемногу прошел. Люди постепенно привыкли к мысли, что где-то за городом снимается фильм. Лишь изредка, когда по улице гнали военную технику времен Великой Отечественной или набирали людей для очередной массовки, жители городка вновь вспоминали об этом и снова ощущали свою причастность к «важнейшему из искусств». Постоянно сталкивались с кинематографистами, пожалуй, только работники местной гостиницы, которым налетевшие, как гром среди ясного неба, артисты доставляли немало хлопот. Скромное четырехэтажное здание почти полностью оказалось в их распоряжении, а директор сего заведения чуть не слег с инфарктом, пытаясь разместить всю эту разношерстную братию. Люксов катастрофически не хватало, поэтому их удостоилась только элита. Остальным пришлось тесниться в обычных комнатах. Но и с люксами тоже не все было в порядке. Некоторые именитые звезды, повидавшие на своем веку и «Хилтоны» и «Рицы», ни в какую не желали признавать свои номера гостиничными номерами вообще. То им не так, это им не этак. Администраторы сбились с ног, улаживая один скандал за другим. К счастью, через пару недель напряженной работы улеглись и эти неприятности, все вроде вошло в свою колею...

...Поздние летние сумерки все-таки окутали городок, опустившись внезапно, словно туман. Зажглась старая гостиничная вывеска, которая теперь, в полумраке, выглядела как «...остини...а» из-за двух испорченных букв. То здесь, то там окна засветились неуютным оранжевым светом, просачивающимся сквозь казенные шторы. Таких было мало: народ либо еще оставался на природе, либо уже дрых без задних ног.

Не было включено электрическое освещение и в одноместном люксе на втором этаже, отведенном оператору Тимуру Артсману. Еще до того как поселиться здесь, он потребовал, чтобы на окна были установлены решетки, ведь профессиональные цифровые камеры он всегда хранил у себя, а любая из них стоила дороже, чем вся эта гостиница со всем ее скарбом. Решетки искали впопыхах, привезли первые попавшиеся, превосходившие почти в полтора раза размеры оконного проема. И крепили их тоже наскоро – просто прикрутили мощными гайками к болтам, всаженным в стену. Но Тимура эти действия рабочих успокоили, и он решил перенести сюда свои вещи.

Теперь в полутемной комнате царил рабочий беспорядок: на застеленной незатейливой кровати с деревянными спинками лежала скомканная рубашка, в углу на стуле возвышался полураспакованный чемодан, стол украшали остатки сухого завтрака, завернутые в газету. Из неплотно прикрытого платяного шкафа торчала какая-то одежда, рядом с ним тускло поблескивало в неярком уличном свете нагромождение металлических кейсов и коробок с замками, в которых обычно перевозится и хранится съемочная аппаратура. Хозяина не было. Стояла тишина, прерываемая только громким тиканьем кварцевых часов на стене да гремящей в другой половине здания музыкой.

Со стороны коридора донеслись едва различимые шаги. Замерли напротив входной двери. После непродолжительной паузы в замочную скважину осторожно влез ключ. Но вернуться сразу ему не удалось – сказались микроскопические неточности изготовления ключа по слепку. После непродолжительной борьбы замок все-таки щелкнул, узкая световая полоска из коридора рассекла пространство пополам. Дверь бесшумно отворилась, пропустив внутрь темный силуэт, и так же беззвучно вернулась на место. В комнате снова воцарились тишина и покой, если не считать человеческой тени, замершей у порога.

Привыкнув к темноте, тень отделилась от стены, уверенно двинувшись в сторону шкафа и сознательно обходя светлый квадрат на полу. Руки в матерчатых перчатках уверенно нащупали один из дюралевых кофров и осторожно перенесли на кровать. Тонко щелкнули откры-

ваемые пряжки замков, небольшой, похожий на маленький ноутбук предмет перекочевал из блестящего футляра в складки одежды неизвестного. Крышка захлопнулась, и те же руки в перчатках аккуратно вернули чемоданчик на место. Не прикасаясь более ни к чему, темная фигура прижалась к двери, прислушиваясь к тишине коридора, а потом осторожно выскользнула из комнаты тем же путем, каким попала туда минуту назад. С тихим клацаньем в дверном замке повернулся ключ...

Глава 9

Чудный вечер постепенно переходил в глубокую летнюю ночь. Надсадно пели сверчки, стараясь перекрыть друг друга своими звонкими голосами. Сладко потрескивали сухие поленья в костре, над которым курился прозрачный дымок и поднимался отвесно вверх, предвещая превосходную погоду на завтра. Это было здорово, поскольку надвигался долгожданный для всех выходной. По этому поводу добрая часть съемочной группы собралась на берегу, чтобы полюбоваться красивейшим закатом под звуки гитары и звон стаканов. Солнце село, но подоспели шашлык и вторая партия горячительных напитков, и никто даже не подумал расходиться по домам.

Поглядывая на мерцающие огни городской окраины, среди которых можно было легко различить здание гостиницы, Громов полулежал на расстеленном на траве брезенте и с аппетитом уминал превосходно приготовленное мясо. Рядом, скрестив по-турецки загорелые ноги, расположилась Алена и заботливо подбрасывала ему сочные куски со своего шампура.

– Так, у всех налито? – без труда поднявшись со своего места, поинтересовался оператор, общепризнанный тамада и весельчак. – У меня тост! А ну-ка живенько тару наполнили! Девочки, позаботьтесь о том, чтобы мальчики о вас позаботились! Так, слушаем меня, ау!

Тимура Артсмана с детства дразнили за очень маленький рост. Обычно после такого дети вырастают озлобленными на весь мир с кучей комплексов и обид. Но здесь был особый случай. Тимура нападки сверстников только закалили, придав бритвенную остроту его шуточкам и совершенный иммунитет к скандалам и склокам. Многие, встретив Артсмана впервые, не могли отделаться от чувства, что где-то этого человека уже видели. Перебрав в уме всех своих знакомых, только потом понимали, что он до неприличия похож на Денни Де Вито – американского актера. Тот же рост, то же выдающееся брюшко, такой же покатый лоб, только волос несравненно больше – пышных, вьющихся, неизменно собранных в хвост на затылке. От постоянной улыбки и прожитых лет – густая сеть морщинок у уголков глаз и рта. Тимур наверняка и сам знал о своем сходстве, но совершенно никак не пытался его исправить. Ему это было ни к чему. Артсман по праву считался одним из лучших кинооператоров, и, как он любил выражаться, ему было «сугубо фиолетово» – кто и с кем его сравнивает.

– ...Так выпьем же не за тех, кто придет и посмотрит в кинотеатре результаты наших трудов, а за тех, кто расскажет об этом фильме остальным своим знакомым. Короче, за бесплатную рекламу!

Киношники весело зачокались пластиковой посудой, на пару секунд над «поляной» смолкла болтовня. Оператор с резным винным рогом в руке плюхнулся рядом с Громовым.

– Сачкуешь? – кивнул он на полупрозрачный стаканчик в руке Виктора, из которого тот хлебал минералку. – Благородному яду предпочитаешь воду из-под крана с пузырьками? Обидеть нас хочешь?

– Я за рулем, – улыбнулся парень. – Так что придется терпеть.

– Гляньте на него! – громогласно заявил Тима. – Насколько я знаю, вы – байкеры – и во сне за рулем! Так что ж теперь, всю жизнь ходить трезвым? Так можно от ужаса перед реальностью загнуться, подумай об этом!

– Точняк сказано! – поддержал оператора кто-то из громовской компании, тоже снимавшийся в массовке, только на советском мотоцикле «ТИЗ-АМ-600». Язык парня уже не очень охотно выполнял команды затуманенного мозга. – Мы даже спим с байком в обнимку! Если в городе увидите чела, похожего на Терминатора, ну типа в полной черепашке на сетке – спина, локти, плечи, то не пугайтесь – это всего лишь я. И мне по х..., как на меня смотрят окружающие.

– А как же девушки? – тут же поинтересовался Артсман. – Они тебя не интересуют, что ли?

– Нет! То есть – да!! – запутался тот. – В общем, с одной стороны чтоб девчонка, а с другой – «Харлей». Вот это кайф будет!

Аленка многозначительно фыркнула. Громов примирительно погладил ее по руке, улыбаясь во все тридцать два зуба. Перед его лицом возникла стопка, наполненная ледяной водкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.